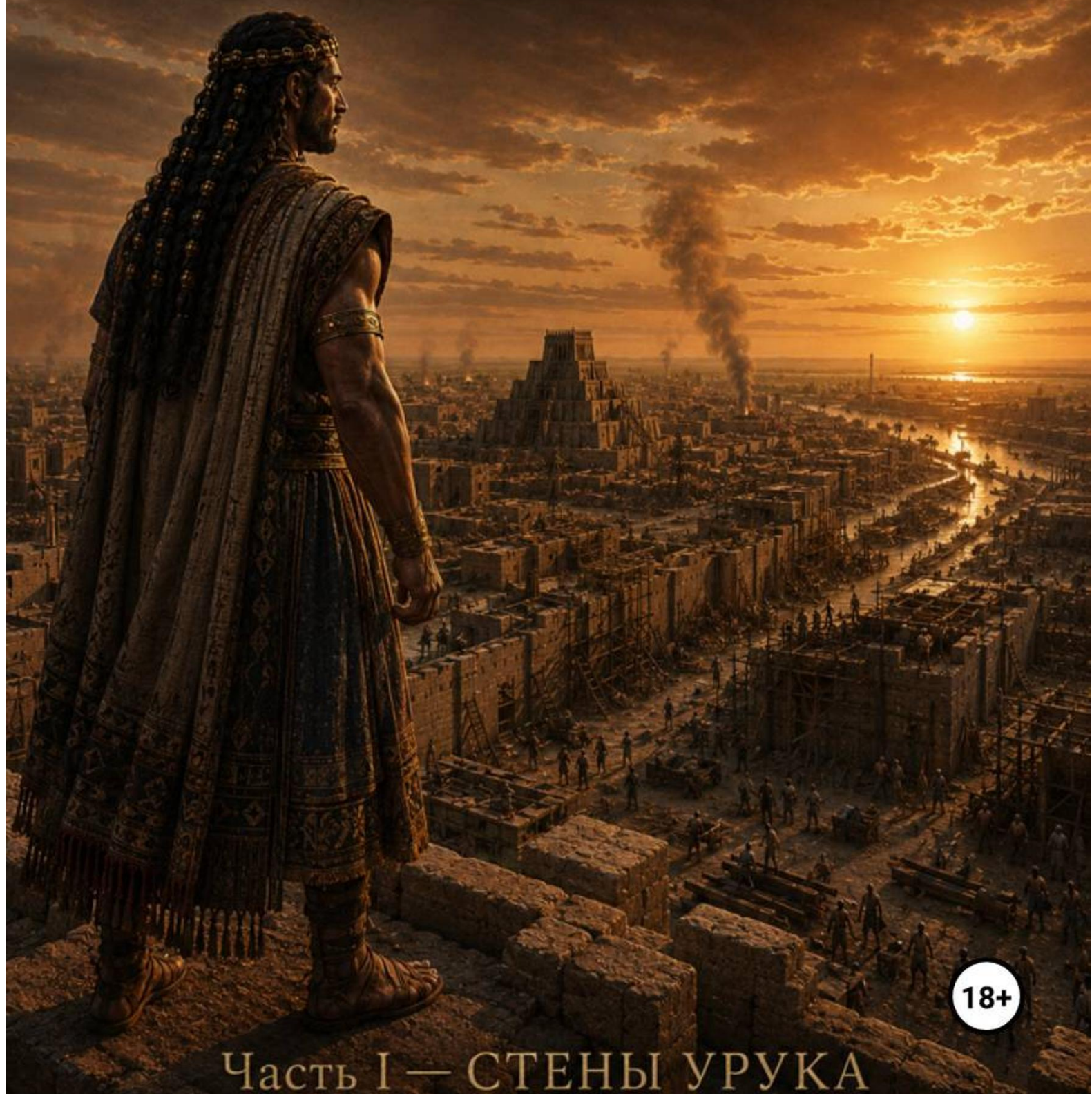

ТИМУР КОШКАРОВ

ЖИЗНЬ ЦАРЯ ГИЛЬГАМЕША

Художественная реконструкция шумерского эпоса

18+

Часть I — СТЕНЫ УРУКА

Тимур Кошкаров

**Жизнь царя Гильгамеша.
Художественная реконструкция
шумерского эпоса.
Часть 1. Стены Урука.**

«Автор»

2026

Кошкарров Т. А.

Жизнь царя Гильгамеша. Художественная реконструкция шумерского эпоса. Часть 1. Стены Урука. / Т. А. Кошкарров — «Автор», 2026

Древний Шумер. Город, где боги плетут интриги, а стены строятся не только из глины, но и из крови. Гильгамеш, царь Урука, на две трети бог и на одну треть человек, пытается удержать город от гибели. Снаружи надвигается армия царя Киша, а изнутри стены точит яд жрецов храма Инанны во главе с холодной и расчётливой верховной жрицей. В то же время в степи растёт и мужает Энкиду — дикий человек, воспитанный львицей. Храм готовит его как идеальное оружие против царя. Но когда необузданная сила степи сталкивается с несокрушимой волей Гильгамеша, смертельная схватка оборачивается союзом, способным изменить судьбу Урука. «Стены Урука» — мрачное, атмосферное и философское переосмысление древнейшего эпоса. История о бремени власти, цене предательства и рождении легенды, которая изменит мир.

© Кошкарров Т. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Сцена 1. Самосуд.	6
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	6
Сцена 2. Похороны Лугальбанды.	9
Урук. Городская площадь. 15 лет назад.	9
Сцена 3. Бой с Намтаром.	13
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	13
Сцена 4. Совет старейшин.	19
Урук. Храм Инанны. Пятнадцать лет назад.	19
Сцена 5. Священный брак.	25
Урук. Храм Инанны. Пятнадцать лет назад.	25
Сцена 6. Энкиду очнулся.	30
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	30
Сцена 7. Думузи в Уруке.	34
Урук. Храм Инанны. Восемь лет назад.	34
Сцена 8. Лечение Шугеш.	38
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	38
Сцена 9. Воспитание царя.	42
Урук. Храм Нинсун. Восемь лет назад.	42
Сцена 10. Рассказ Энкиду.	47
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	47
Сцена 11. Думузи все.	51
Урук. Храм Инанны. Восемь лет назад.	51
Сцена 12. Ниншу.	56
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	56
Сцена 13. Гиены.	59
Пастушья стоянка в окрестностях Урука.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Жизнь царя Гильгамеша. Художественная реконструкция шумерского эпоса. Часть 1. Стены Урука.

Глава

ТИМУР КОШКАРОВ

ЖИЗНЬ ЦАРЯ ГИЛЬГАМЕША

Художественная реконструкция шумерского эпоса

ЧАСТЬ I

СТЕНЫ УРУКА

2026

Тимур Кошкарлов. «Жизнь Гильгамеша». Художественная реконструкция шумерского эпоса. Часть 1. «Стены Урука».

Древний Шумер. Город, где боги плетут интриги, а стены строятся не только из глины, но и из крови.

Гильгамеш, царь Урука, на две трети бог и на одну треть человек, пытается удержать город от гибели. Снаружи надвигается армия царя Киша, а изнутри стены точит яд жрецов храма Инанны во главе с холодной и расчётливой верховной жрицей.

В то же время в степи растёт и мужает Энкиду — дикий человек, воспитанный львицей. Храм готовит его как идеальное оружие против царя.

Но когда необузданная сила степи сталкивается с несокрушимой волей Гильгамеша, смертельная схватка оборачивается союзом, способным изменить судьбу Урука.

«Стены Урука» — мрачное, атмосферное и философское переосмысление древнейшего эпоса. История о бремени власти, цене предательства и рождении легенды, которая изменит мир.

Сцена 1. Самосуд.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

Ярко светила луна. Намтар чувствовал, как внутри закипает злость. Провёл рукой по лицу. Пальцы коснулись холодного обсидиана левого глаза. Стекланный глаз был неподвижен, но второй, зрячий, сузился от раздражения.

«Дилетанты», - подумал он, глядя на суету подручных. - Ещё не приступили к работе, а уже потеряли двух человек. Не мой день. Вернее, не моя ночь.

Ветер лениво мёл пыльную степь, заставляя трепетать редкие листья тамариска. Пахло сухой полынью. В низине, где рельеф образовал естественное укрытие, догорал костёр. Угли тлели, равнодушно освещая клочья шерсти, тёмные пятна крови на глине и две фигуры, склонившиеся над третьей.

Третий был без сознания. Огромный, заросший волосами мужчина, связанный по рукам и ногам сыромятными ремнями. Его грудь тяжело вздымалась, а глаза были закрыты. Рядом, прижавшись окровавленным боком к ноге хозяина, лежала большая пастушья собака. Она не подавала признаков жизни - то ли мертва, то ли потеряла сознание от боли. Сейчас было не до неё.

Широкоплечий держал конец пальмовой верёвки, перекинутой через высокий сук. Рябой, с лицом, покрытым оспинами, надевал петлю на шею связанному пастуху. Старый тамариск скрипнул веткой, с грустью взирая на суетливых тварей у своих корней.

- Болваны, нам не за этого заплатили, - процедил Намтар. Его ровный, лишённый эмоций голос прозвучал в тишине ночи как удар хлыста. - Займитесь делом. Он где-то рядом. Нужно следить за степью.

- Сейчас, бригадир, - рябой дернул петлю, затягивая узел. - Эта сволочь убила моего брата. А Калёб был мне другом. Хочу лично прикончить его.

- Его и без тебя сожрут гиены, когда мы уйдём, - отрезал Намтар. - Наша задача - сделать работу. А вы сводите счёты с каким-то недоумком, что пожалел вам овцу.

- Он убил двоих наших, - возразил широкоплечий, натягивая верёвку.

Намтар сейчас ненавидел луну - слишком яркую, слишком низкую, выдающую силуэты. Не выносил запах свежей крови, который разносился по степи и скоро соберёт всех окрестных шакалов. Отвращали те двое, что лежали с пробитой башкой

и сломанной шеей. Ещё два часа назад были живы, трезвы и полны оптимизма. Захотели отведать ягнятины в засаде. Ещё ничего не сделав.

Теперь эти двое разыграли спектакль благородных мстителей друг перед другом.

Куда катится мир? Скоро взять в дело будет некого. Одни самовлюблённые дилетанты.

Позже разберусь с каждым отдельно. Сейчас не время.

- Надел уже петлю? Тянуть? - спросил широкоплечий, игнорируя ворчание старшего. - Хочу посмотреть, как он будет дёргаться.

- Тяни, - буркнул рябой.

На фоне лунного диска, зависшего низко над горизонтом, нарисовалась высокая фигура. Тень легла на поляну. Разбойники замерли от неожиданности. Фигура приближалась бесшумно - будто тяжёлые сандалии не касались земли.

На незнакомце была простая шерстяная туника. Поверх плеч лежала шкура льва, мехом наружу.

Ветер прошелестел в зарослях тростника.

Незнакомец подошёл к костру, со спокойным высокомерием осматривая немую сцену. Его лицо было скрыто в полумраке капюшона. Когда он поднял голову, огонь выхватил детали. Тяжёлая челюсть, прямой нос и тонкий шрам на левой скуле. Страшнее всего были глаза. Левый - тёмно-карий, почти чёрный. Правый - светло-янтарный, с вертикальным зрачком, который сузился, отслеживая движение руки разбойника с ножом.

- Собрались подвесить приятеля на дереве? А царский приговор у вас есть?

- Кто ты? - спросил Намтар, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Охотник медленно поднял руку. Не к оружию. Он просто указал на петлю, затягивающую шею пастуха.

- Я - тот, кто спрашивает: что это за казнь вы устраиваете без приговора царя?

- Здесь наш закон и наш приговор, - храбрился Намтар, хотя предательский холодок пробежал по спине. - Какое тебе до нас дело?

- Мне есть дело до всего. Я - царь Урука.

Сцена 2. Похороны Лугальбанды.

Урук. Городская площадь. 15 лет назад.

Мальчик не осознавал смысла происходящего в полной мере. То, что отец умер и его сейчас хоронят, было понятно на словах. Но душу

не покидала уверенность, что церемония закончится, все разойдутся по домам и отец вечером, как обычно, вернется домой.

Боги одарили Гильгамеша разноцветными глазами в знак своей благосклонности. Левый - темно-карий, человеческий. Правый - светло-янтарный, с вертикальным зрачком. Сейчас оба глаза неотступно следовали за носилками, на которых несли его отца в родовую усыпальницу, «Дом вечности».

Не было слышно городского шума, лишь монотонный тягучий вой плакальщиц и погребальная музыка пронизывали раскаленный воздух.

Впереди процессии шли жрецы храма Нергала с медными светильниками, чадившими кедровой смолой. За ними плакальщицы, причитавшие по особому канону. Далее - музыканты с трубами, свирелями и барабанами. Следом несли тело царя. Вдова с десятилетним Гильгамешем шли рука об руку за носилками.

Парадно одетые придворные и слуги, пожелавшие последовать в царство мертвых за своим господином, держали чаши для яда и неистово молились. За ними вели жертвенных животных. Замыкали процессию родственники. Они несли украшения и личные вещи Лугальбанды, оружие и доспехи.

Пока разноцветные глаза мальчика смотрели на процессию погребения царя, из тени колонн с крыши храма Инанны за ним и его матерью, Нинсун, наблюдали три пары холодных, оценивающих глаз.

- Мальчик плакал? – задала вопрос Инанна, не поворачивая головы.

- Нет. Он очень спокоен для сироты. Нинсун склонилась к нему, шептала что-то. Я видела, как он кивнул - один раз, как взрослый, – ответила младшая жрица Лилиту. – Такому самообладанию можно позавидовать. Боги благоволят ему.

- Боги благоволят Уруку! А мальчик - лишь наследник. Пока.

- Он не похож на отца.

- Это дает надежду. Лугальбанда достаточно испил нашей крови. Надо же заявить: «Бог не тот, кто принимает жертвы, а тот, кто строит»! Как будто это боги служат людям, а не наоборот. Лугальбанда был каменщиком, строившим стены. Гильгамеш пока просто глина, которой следует умело распорядиться.

- Возведем на трон? – Лилиту поправила на груди ожерелье из сердолика. - Совет старейшин будет рад. Ребенок на троне - это дар небес для тех, кто хочет править его именем.

Нинсун, верховная жрица храма и вдова царя, шла за телом мужа. Она казалась высеченной из камня. Темно-синяя туника, оттенявшая бледность лица, была ярким пятном скорби среди пестрой толпы. Она не смотрела на носилки. Ее взгляд, тяжелый и неподвижный, был устремлен поверх голов, в ту точку, где река сливалась с небом.

Инанна медлила с ответом, наблюдая за ней. Нинсун не просто соперница. Это ложное зеркало. Такая же верховная жрица, но выбравшая семью, а не власть. Она всегда вызывала у Инанны ярость и одновременно зависть, которую не хотелось признавать. Отнять ее любовь, переманить Гильгамеша на свою сторону – вот победа, достойная живой богини.

- Нет, слишком рискованно. Царя непросто будет устранить, если пойдет в отца.

- Что ты предлагаешь, госпожа? - шепот жрицы стал еще тише. - Убить его? Народ любил Лугальбанду. Если мы тронем мальчика, город восстанет.

- Убийство - инструмент глупцов, - в голосе Инанны зазвучала сталь. - Мы не можем убить героя. Но мы можем... заменить его.

Она перевела взгляд на Нинсун. Жрица стояла неподвижно, словно не замечая опасности, исходящей от соседнего храма. Уверенна: пока она рядом, никто не посмеет тронуть ее сына. Но Инанна уже просчитывала ходы.

- Лугальбанда ушел, - продолжила Инанна, размышляя вслух. - Трон пуст. По закону наследник должен пройти обряд возведения на престол. Но мальчишка слишком мал, чтобы править. Кто займет его место? Регент.

- Регент - это временно, - возразила Лилиту.

- Верно. Власть любит постоянство, - зловеще усмехнулась Инанна. - Богиня, нуждается в супруге. Который будет послушен. Который помнит, кому он обязан своим тронном. И не будет смотреть на мир этим... - она поморщилась, - звериным взглядом.

Лилиту поняла. Мысли прояснились.

- Ты говоришь о Думузи?

- Он молод, красив и глуп, - Инанна пожала плечами. - Идеальная пара для богини. Священный брак определит его власть. А мальчик... - она снова посмотрела на Гильгамеша.

Мальчик обернулся. Его рассеянный взгляд скользнул по колоннам и задержался на фигурах в красном. Инанна почувствовала холодок - он словно видел их насквозь, сквозь одежды и тела.

- ...Мальчик подождет. В храме. Под присмотром. Если вырастет послушным, мы найдем ему место. А если нет...

Нинсун, проходя мимо храма Инанны, крепче сжала плечо сына. Она ощутила, как тот напряжен. Мальчик чувствовал угрозу, но не различал ее очертаний.

- Мама, - тихо спросил Гильгамеш, не поворачивая головы, - почему они не плачут?

- Они не провожают отца, мой львенок, - ответила Нинсун так тихо, что он едва расслышал. - Это гиены, пришли поживиться добычей льва. Запомни этот день. Запомни их лица.

Толпа расступилась, когда Нинсун подошла ко входу в усыпальницу.

Она остановилась на мгновение, положив руку на грудь, где под тканью туники скрывалось родимое пятно в форме полумесяца - «знак богини», как говорили в храме Нинсун. Губы её шевелились, но слов не было слышно. Молитва. Или прощание.

Гильгамеш стоял рядом, не двигаясь. Только правый глаз, янтарного цвета, скользнул по толпе, по лицам жрецов, по крышам храмов, где стояли молчаливые фигуры в красных одеждах.

Верховная жрица храма Инанны, перед которой трепетали старейшины и цари, отвела глаза.

Сцена 3. Бой с Намтаром.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

- Я и есть царь Урука. - Слова охотника упали в тишину, как камни в пересохший колодец. Тишина сгустилась до предела.

Намтар не двинулся с места. Его единственный живой глаз скользнул по фигуре незнакомца. Опытный убийца все замечал. Плечи, длину рук. Незнакомец стоял, чуть согнув колени. Вес тела равномерно распределен на обе ноги. Он не расставлял их широко, как хвостуны на

рынке, желая казаться грозными. Не стоял прямо, как солдат в карауле. В нём чувствовалась собранность и уверенная, хищная пластика.

Охотник? - мелькнуло в голове у Намтара. - Царь? Почему было не убить его внезапно со спины? Потому что подельники – идиоты. Не мой день сегодня.

Стеклянный глаз оставался неподвижен, но зрячий сузился.

- Слышали, парни? - голос Намтара был ровным, почти скучающим. - Царь Урука пожаловал. Один. В ночную степь. Заблудился, похоже.

Рябой, удерживая петлю на шее пастуха, обернулся. На его лице, изрытом оспинами, отразилась растерянность, быстро сменившаяся жадным блеском. Широкоплечий, натягивавший веревку, замер, а затем медленно, очень медленно, отпустил конец пальмового каната. Веревка ослабла, тело пастуха тяжело осело на землю, рядом с собакой, которая даже не пошевелилась.

- Царь, значит, - протянул широкоплечий. Он переглянулся с рябым. В их взглядах мелькнуло то, что Намтар ненавидел больше всего - тупая, животная радость дилетантов, которые видят перед собой не цель, а добычу. - И искать не пришлось.

Намтар вздохнул. Внутри похолодело не от страха. От безнадёжности.

Идиоты. Они не понимают. Уже празднуют победу, а предстоит ристалище при луне. Кто уйдет живым – совершенно не ясно.

Широкоплечий оставил пастуха и шагнул вперед, выставив тяжелый тесак. Рябой пошел с фланга, как шакал, обходящий раненого быка. Движения - топорные, неуклюжие. Привыкли убивать тех, кто боится. Кто отступает. Кто молит о пощаде.

Охотник стоял неподвижно.

Ветер подул с реки, принося запах влажной тины. Шкура льва на плечах незнакомца шевельнулась, как живая. В отблесках догорающих углей казалось, что зверь жив и готовит решающий бросок.

- Царь, - усмехнулся широкоплечий, приближаясь. Его ирония была неестественной, нарочито громкой. Как у пьяного, что пытается перекрыть свой страх. - Где твоя корона, царь? Стража, которая с нас шкуру спустит, если мы пошевелим волос на твоей голове?

- Покушение на царя карается смертью. Это закон, - голос охотника был низким и спокойным. Почти ленивым.

Широкоплечий сделал еще шаг.

Охотник поднял голову.

Угли костра вспыхнули, озарив лицо под капюшоном. Тяжелую челюсть, прямой нос, тонкий шрам на левой скуле. Но не это заставило замереть разбойника. Не это.

Глаза.

Левый - темный, почти черный. В нем не было ничего необычного, кроме пугающей пустоты, характерной для людей, привыкших смотреть смерти в глаза.

Правый - светло-янтарный. С вертикальным зрачком, как у змеи или кошки, смотрящей из темноты. Этот глаз сузился на свету, в его глубине полыхнуло что-то древнее, нечеловеческое.

Широкоплечий зарычал и бросился вперед.

Это был хороший бросок - тяжелый, быстрый, с замахом тесака, способного рассечь грудь от плеча до пояса. Удар, который не оставлял жертве шансов, если жертва не успевала уклониться.

Охотник не уклонялся.

Он шагнул навстречу, на дистанцию, где огромный тесак оказался бессилён.

Захват руки.

Хруст. Тесак выпал.

Второй захват - подбородок и затылок.

Короткий рывок.

Ещё один хруст.

Широкоплечий не успел даже вскрикнуть. Рухнул лицом в золу догорающего костра, дернулся раз, другой - и затих.

- А-а-а, - Рябой кинулся на спину охотнику, выцеливая ножом основание шеи.

Шея ушла с линии удара.

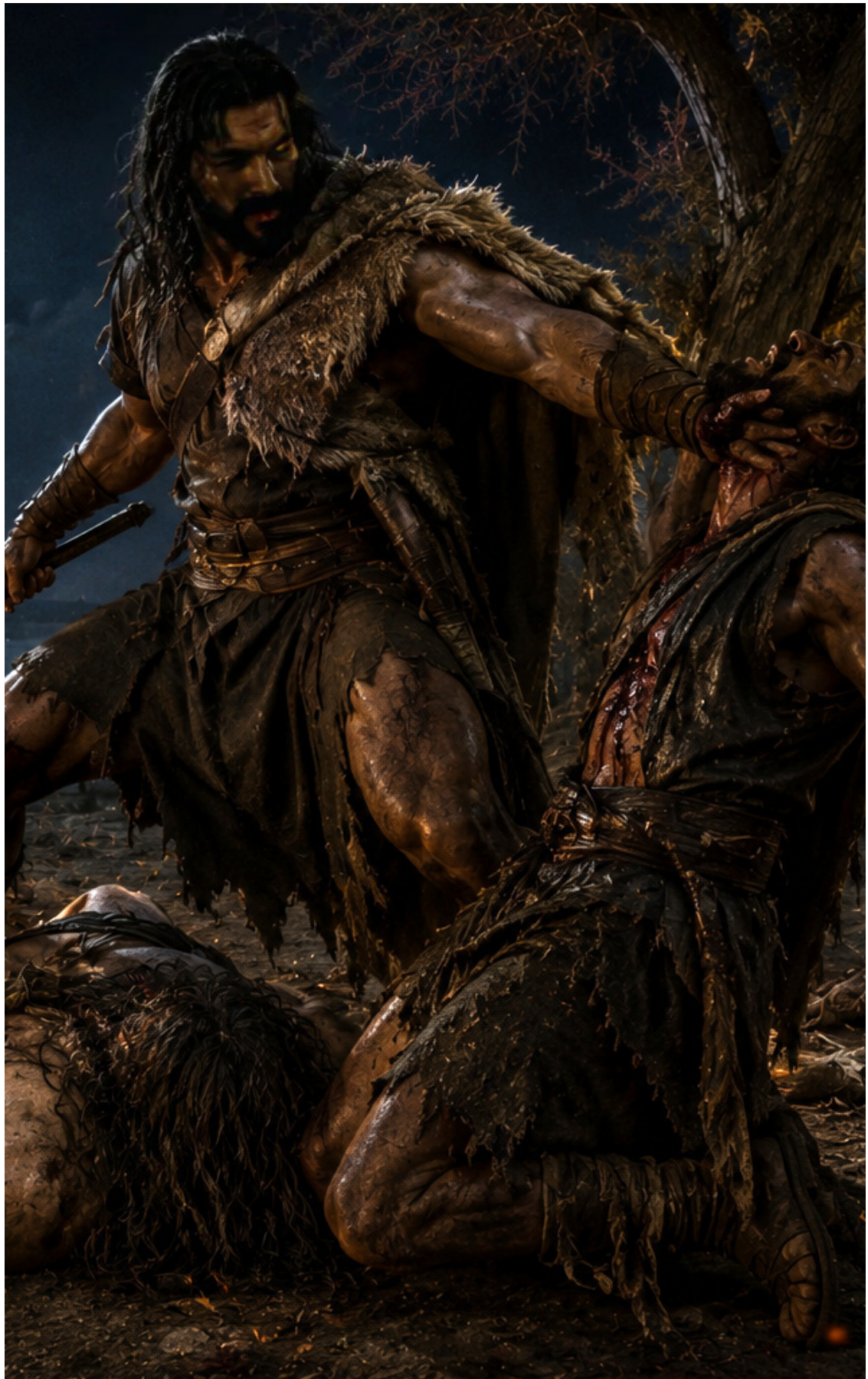
Нож рассёк пустоту.

Кисть перехвачена - лезвие вошло под рёбра разбойнику по самую рукоять.

Удивление застыло на лице, изрытом оспинами.

Испустить последний вздох уже не получилось.

Рябой рухнул к ногам охотника.

Луна равнодушно взирала на побоище, досадуя на скоротечность зрелища. Тамариск по-стариковски скрипнул.

Намтар, наблюдавший за происходящим из тени, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Двое подельников убиты в течение считанных секунд голыми руками.

Убийца вышел из тени. Медленно поднял руки, демонстрируя пустые ладони. Его лицо было маской покорности, но живой глаз метался, ища выход из ситуации.

- Стой, великий, - выдохнул Намтар, с дрожью в голосе. - Я вижу... я вижу, что ты - это ты. Ошибка вышла.

- Я жду ответа. Что за казнь вы задумали без приговора царя? – спокойно продолжил охотник с того места, где его прервали.

Он подошел к телу широкоплечего, носком сандалии перевернул его на спину. Лицо убитого было черным от золы и крови, глаза открыты, рот перекошен.

- Мы всего-то хотели взять у пастуха овцу. А он убил двух наших.

- Купить не пробовали?

- Я не успел вмешаться. А эти остолопы уже заплатили с лихвой.

- Ты не доставал оружие. Поэтому можешь идти. Постарайся больше не попадаться мне на глаза. - Охотник выпрямился во весь рост.

Намтар вдруг понял, какого роста этот человек. Огромный. На голову выше любого воина в его бригаде. Разбойник отступал медленно, спиной к реке, не сводя глаз с фигуры у костра, пока темнота не скрыла его окончательно. Только в зарослях тростника, на безопасном расстоянии, он позволил себе остановиться и перевести дыхание.

Куда мне идти? Жрецы Нергала не успокоятся, пока не прикончат меня. Слишком опасный я для них свидетель. Контракт – есть контракт. Он должен быть выполнен.

Намтар посмотрел на охотника. Тот уже склонился над пастухом, повернувшись спиной к врагу. Это был единственный шанс.

Ничего личного, - пронеслось в голове убийцы.

Пальцы скользнули за голенище.

Метательный клинок лёг в ладонь.

Один бросок. Один шанс.

Взмах. Свист. Промахнуться было невозможно.

Но шкура льва взметнулась - охотник развернулся, отклоняя траекторию клинка.

Из-под шкуры вынырнул топор.

Короткий бросок. Удар.

Топор рассёк ключицу и вошёл в грудь.

Стеклянный глаз выпал и покатился по пыльной земле. Разбойник рухнул на колени, захлёбываясь кровью.

Охотник выдернул топор из груди Намтара.

- Ничего личного, - сказал он, вытирая лезвие о плащ трупа. - Закон есть закон.

Сцена 4. Совет старейшин.

Урук. Храм Инанны. Пятнадцать лет назад.

“Верховная жрица храма Инанны созывает совет жрецов и старейшин для обсуждения судьбы трона Урука. Присутствие верховной жрицы храма Нинсун необходимо.”

Она перечитала табличку дважды. Слово «необходимо» было выбито глубже остальных - не случайно. Инанна не просила, не предлагала - она указывала. Если Нинсун не придёт, это будет истолковано как признание слабости, нежелание защищать права сына, возможно - как согласие.

Приглашение доставили утром. Глиняная табличка, запечатанная цилиндрической печатью Инанны - чёрный нефрит, богиня на двух львах.

- Я не пойду, - сказала она вслух.

Гильгамеш поднял голову, оторвавшись от занятий клинописью. Разноцветные глаза - карий и янтарный - внимательно посмотрели на мать.

- Они скажут, что ты боишься.

- Это ловушка. В её игре есть два положения: «соглашаешься» и «противодействуешь». Третьего нет. Если я приду и соглашусь - они легитимируют решение моим присутствием. Если я приду и возражу - меня объявят врагом богини, и толпа, которая сегодня скорбит по твоему отцу, завтра потребует моей крови. А без меня...

Она не договорила. Без неё Гильгамеш оставался без защиты вообще.

- Пошли Ибни-Шамаш, - предложил мальчик. - Он старый и уважаемый. Они не посмеют его тронуть.

Нинсун чуть улыбнулась. Десятилетний мальчик, который три дня назад потерял отца, рассуждал как политик.

- Ибни-Шамаш - предсказуем. Они знают, что он скажет, ещё до того, как он откроет рот. На каждое его слово наверняка запасено десять.

- Ему не надо ничего говорить. Пусть обозначит присутствие храма и создаст интригу недосказанности.

Нинсун посмотрела на сына. Он вернулся к табличке, выводя знаки стилусом с концентрацией, которая ему не свойственна. Делал вид, что не ждёт ответа. Но ждал.

- Интригу недосказанности, - повторила она. - Это, наверное, лучший ход в нашей ситуации. Ты учишься, мой львенок.

Внутренний двор храма Инанны был вымощен обожжённым кирпичом - редкость в Уруке, где полы обычно делали из утрамбованной глины. Двенадцать кирпичных колонн держали навес из тростника, пропитанного битумом, и под этим навесом стояли каменные сиденья, выстроенные полукругом.

Семь старейшин родов. Четверо верховных жрецов главных храмов. Два секретаря с глиняными табличками и стилусами. И Инанна - во главе, в каменном кресле, которое было выше всех остальных на один кирпич. Немного, но достаточно, чтобы каждый, кто поднимал глаза, видел её первой.

Она ждала, пока все усядутся. Не торопила.

Старейшины рассаживались с каменными лицами. Адда-Шамаш, глава рода земледельцев. Ур-Лугаль, из рода гончаров. Ишме-Даган, глава рода рыбаков - он всегда был на стороне Инанны, потому что его дочь служила в храме.

Жрецы сидели справа. Энбилулу, верховный жрец Нергала - массивный, с бритой головой и шрамом на подбородке, смотрел на Инанну с откровенным нетерпением. Таммуз, верховный жрец Набу, - сухой, костлявый, с нервно подёргивающейся рукой, - перебирал чётки из сердолика и не смотрел ни на кого.

От храма Нинсун присутствовал Ибни-Шамаш - старый жрец, в прошлом наставник верховной жрицы. Он сидел в конце двора, выпрямившись, как тростник, и смотрел на стену. Его присутствие было формальным - без верховной жрицы голос храма Нинсун не имел веса. Но Инанна допустила его: пустое место было бы заметнее, чем молчаливый старик.

- Урук без царя, - её негромкий голос заполнил двор, как вода пустой сосуд. - Лугальбанда в Доме вечности. Его наследник - мальчик десяти лет. Мы собрались здесь, чтобы решить, что делать.

Пауза. Она не смотрела на старейшин - смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Пальцы были неподвижны. Ни одного лишнего жеста.

- Я не буду говорить долго, - продолжила она. - Вы и так знаете, что я скажу. Урук не может ждать. Каждый день без царя - это день без защиты, день без судьи, день, когда враги чувствуют нашу слабость, как шакалы чуют кровь.

Адда-Шамаш, старейшина земледельцев, подал голос первым - так и было договорено. Старый, с морщинами, глубоко избороздившими лицо, он выглядел самым беспристрастным из всех.

- Храм Инанны прав, - сказал он медленно, покачиваясь на каменном сиденье. - Я знаю, что скажут: «Лугальбанда оставил наследника». Да, оставил. Но ребёнок не может держать копье. Ребёнок не может вершить суд. Ребёнок не может...

- Боги уже даровали Уруку царя. - Голос раздался не оттуда, откуда ждали. Ишме-Даган, старейшина рыбаков, встал. Высокий, сухой, с лицом, обветренным до деревянистости, он не был ни красив, ни уродлив - просто похож на сухую рыбу, которой промышлял его род.

- Боги даровали Уруку Лугальбанду, - сказал старик. - Лугальбанда умер. Боги даровали Уруку Гильгамеша, сына Лугальбанды. Вы хотите отвергнуть дар богов? Искать другого царя - значит говорить богам: «Ваш дар нам не подходит». Это - святотатство.

Тишина. Инанна не пошевелилась. Энбилулу, жрец Нергала, чуть наклонился вперёд - готовый встать, но ждущий знака.

Инанна не дала знака. Она позволила тишине длиться - достаточно долго, чтобы все почувствовали вес сказанных слов. Потом подняла глаза.

- Ишме-Даган говорит о даре богов, - произнесла она тихо. - Хорошо. Тогда пусть он ответит: почему боги забрали Лугальбанду? Почему отняли царя в расцвете сил, когда стены Урука ещё не достроены, враги не побеждены, а наследник ещё не может заменить отца?

Ишме-Даган хотел что-то сказать, но промолчал. Он не знал ответа. Никто не знал.

- Боги забрали Лугальбанду, - продолжила Инанна, теперь её голос стал твёрже. - Это - их воля. Мы не можем её оспаривать. Но мы можем её прочесть. И что она говорит? Город должен иметь защитника. Не через десять лет, когда мальчик вырастет. Сейчас.

- Но наследник... - начал Ишме-Даган.

- Никто не говорит об отказе от наследника, - перебила Инанна так мягко, что Ишме-Даган даже не заметил, как его перебили. - Наследник останется наследником. Когда он будет готов - боги укажут, кто должен сидеть на троне. Но пока...

Она обвела взглядом присутствующих. Ни на ком не задержалась.

- ...пока мы попросим Инанну выбрать себе мужа. Мужа, который займёт трон как наместник богини. Не вместо Гильгамеша - до Гильгамеша.

Ур-Лугаль, старейшина гончаров, подался вперёд. Он был моложе остальных - лет пятьдесят, с толстыми руками, привыкшими к глине, и грубым, прямым взглядом человека, предпочитающего делать, а не говорить.

- Как это - «до Гильгамеша»? - спросил он. - Если человек займёт трон, он не захочет его освободить. Трон - это не гончарный круг, его не передают по очереди.

Гул одобрения. Несколько старейшин кивнули.

- Трон не уйдёт от Гильгамеша, - сказала она ровно. - Трон как кирпич в стене. Его место определено. Но кирпич нельзя класть раньше, чем он обожжён. Необожжённый кирпич развалится от первого дождя - и стена рухнет. Так и с царём: не готовый к правлению, он погубит и себя, и город.

Она сделала паузу. Потом добавила, чуть изменив интонацию - чуть теплее, почти матерински:

- Вы ведь хотите, чтобы Гильгамеш стал настоящим царём, а не тенью на троне? Дайте ему время. Пусть войдёт в зрелый возраст. Пусть научится защищать город и служить богине, как подобает царю. Когда он будет готов - боги сами укажут нам, кто должен остаться. Может, это будет Гильгамеш. Может - избранник Инанны. Но решение будет за богами, а не за нами.

Таммуз, верховный жрец Набу, поднял нервную руку, словно школьник, просящий слова.

- Госпожа, - сказал он тихим, вкрадчивым голосом, - я хочу добавить о... о практической стороне.

Инанна кивнула.

- Царь - это не только воин. Царь - муж богини. Его долг - дарить богине своё семя, чтобы нивы Урука плодоносили, чтобы реки не иссякали, чтобы скот приносил приплод. Мальчик десяти лет не может исполнить этот долг. А богиня без мужа - это солнце без тепла. Свет есть, а пользы нет.

Тема была щекотливой, но необходимой - каждый в Уруке понимал связь между Священным браком и урожаем, но вслух об этом говорили только жрецы, и только в стенах храмов.

- Если мы не дадим богине мужа, - продолжил Таммуз, набирая смелость, - нивы Урука перестанут плодоносить. Горожан ждёт голод. Не через год, не через два - в этом году. Посевы в земле. Если богиня отвернётся...

Он не закончил. Все поняли.

Энбилулу, жрец Нергала, поднялся, не дождавшись приглашения:

- И враги! - голос его был грубым, как наждак. - Агга в Кише ждёт не дожждётся, когда Урук ослабнет. Без царя - без армии. Без армии - Киш ударит. И не только Киш. Элам. Мари. Все, кому не терпится поживиться нашим зерном. Ребёнок на троне - это не царь. Это приглашение.

- Энбилулу выражает мысль резко, но верно, - поддержала Инанна. - Урук без царя - лёгкая добыча. Враги не будут ждать, пока Гильгамеш вырастет.

Она обернулась к старейшине рыбаков, который всё ещё стоял.

- Ишме-Даган, - сказала она мягко, - ты боишься за мальчика?

Рыбак моргнул. Вопрос был неожиданным.

- Я боюсь за Урук, - ответил он.

- Хорошо. Тогда ответь ещё на один вопрос. Скоропостижная смерть Лугальбанды - это воля богов?

- Я... - Ишме-Даган замялся. Отвечать «нет» означало отрицать божественное провидение. Отвечать «да» означало признать, что боги забрали царя не просто так.

- Скоропостижная смерть Лугальбанды произошла по воле богов, - повторила Инанна, не дождавшись его ответа. - Мы все в этом согласны. Значит, избрание нового мужа для Инанны - тоже их знак. Боги забрали одного царя и предлагают другого. Пренебречь этим знамением - святотатство.

Слово «святотатство» повисло в воздухе, как дым. Инанна перевернула аргумент Ишме-Дагана: не выбор нового царя - святотатство, а отказ от выбора. Не она противится воле богов, а те, кто цепляется за мальчика.

Ишме-Даган стоял молча. Он понимал, что проиграл, - но понимал и другое: уступи он сейчас - род потеряет лицо. Рыбаки Урука не любят слабых старейшин.

- Я не противлюсь воле богов, - сказал он медленно выбирая слова. - Я спрашиваю: как это будет оформлено? Чтобы наследник не был унижен. Чтобы закон был соблюден. Чтобы...

- Это и есть решение, - перебила Инанна. - Принять мужа, избранного Инанной, регентом на троне Урука. Не царём - регентом. И вернуться к кандидатуре Гильгамеша, когда он достигнет зрелости. Его права не нарушаются. Его место не отдаётся. Мы просто... защищаем стену, пока кирпич не готов.

Она посмотрела на Ибни-Шамаша. Старый жрец храма Нинсун продолжал смотреть на стену, но его пальцы, лежавшие на коленях, отбивали нервную дробь.

- Ибни-Шамаш, - позвала Инанна. - Храм Нинсун молчит. Это знак согласия?

Старик медленно повернул голову. Его глаза - мутные от возраста, но проницательные - встретились с глазами Инанны.

- Храм Нинсун не получил указаний от верховной жрицы, - медленно произнёс он. - Без указаний я могу лишь молчать.

- Нинсун не пришла, - констатировала Инанна. - Это её право. Но совет должен принять решение. Присутствуют все старейшины и все главные храмы, кроме Нинсун. Кворум налицо.

Она поднялась. Сделала это плавно, будто её тело не знало тяжести. Туника цвета небесной лазури скользнула по каменному креслу, а длинные рукава скрыли татуировку на правой руке.

- Я ставлю вопрос на голосование, - сказала она. - Принять мужа, избранного Инанной, регентом на троне Урука, с обязательством вернуться к кандидатуре Гильгамеша по достижении им зрелости. Кто - за?

Руки поднялись сразу. Адда-Шамаш. Ур-Лугаль. Энбилулу. Таммуз. Пятеро остальных старейшин - по очереди, с небольшой задержкой, но подняли. Ишме-Даган стоял с опущенными руками.

Инанна ждала. Не торопила. Позволяла всем увидеть: один человек не определился.

- Ишме-Даган, - сказала она тихо, - ты один против. Подумай: ты идёшь против воли богов, против совета старейшин, против безопасности Урука. Ради чего?

- Ради наследника, - сказал он наконец. - Ради того, чтобы Урук не стал городом, где слово жрецов важнее закона.

- Решение принято, - сказала жрица. - Через семь дней - Священный брак. Инанна избереёт себе мужа. Жрецы подготовят обряд. Старейшины - оповестите народ.

Инанна снова повернулась к Ибни-Шамашу.

- Передай Нинсун, - сказала она, - что я уважаю её молчание. И что она всегда вхожа в храм Инанны. Как гостья.

Слово «гостья» прозвучало тяжело. Не «как сестра», не «как равная» - «гостья». Гостья не имеет голоса. Гостья не участвует. Гостья присутствует.

Ибни-Шамаш кивнул. Встал. Вышел со двора, опираясь на посох. Его шаги затихли за тростниковой оградой.

Инанна осталась одна. Жрецы и старейшины разошлись, переговариваясь вполголоса. Она слышала обрывки фраз: «...нужно приготовить...», «...сколько жертвенных животных...», «...Ишме-Даган дурак, но честный...». Слова, слова. Ей не нужны были слова. Ей нужен был результат.

Результат есть.

Лилиту подошла бесшумно, как тень.

- Думузи готов? - спросила Инанна, не оборачиваясь.

- Готов, госпожа. Он не ел сутки, как ты приказала. Молитвы выучил. Но он... - Лилиту замялась. - Он боится.

- Боится - хорошо. Такой царь нам и нужен.

Сцена 5. Священный брак.

Урук. Храм Инанны. Пятнадцать лет назад.

Во внутреннем зале храма Инанны было прохладно, как в подземелье. Толстые стены из сырцового кирпича не пропускали дневную жару. Светильники чадили кедровой смолой, и дым стелился по полу, словно туман над рекой.

Здесь не было случайных людей. Только жрицы храма, несколько писцов и двое стражников. Почетные гости из городской элиты, старейшины крупных родов, верховные жрецы и жрицы храмов заняли места в тени боковых нефов.

В освещенной середине центрального нефа, на помосте из сложенных кирпичей, стоял алтарь, обтянутый белой льняной тканью. Перед алтарем - высокая стойка с чашей, в которой дымился ароматный напиток.

В конце центрального нефа стояло высокое кресло-ложе, на котором полулежала верховная жрица - живое воплощение Инанны. Из одежды на ней была только леопардовая накидка, которая сейчас служила скорее подстилкой. Из украшений - только головной венец с рогами и финиковыми ветвями, а также ожерелье из семи рядов лазурита и сердолика.

Думузи стоял в преддверии зала и не чувствовал ног. Ему шел двадцать второй год. Три дня назад он узнал, что Инанна выбрала его себе в мужья. Вчера - что это честь, невиданная в его роду за последние четыре поколения. Сегодня - что он должен молчать, не есть и не пить до начала обряда.

- Входи, - сказала жрица, распорядительница церемонии.

Он вошёл. Внутри пахло ладаном и нагретыми камнями - запахом, к которому он привык за годы учёбы в эдуббе. Сейчас воздух был густым,

почти осязаемым: шафран, мирра, кедровая смола, а под всем этим - резкий, животный запах женского пота.

По обеим сторонам центрального нефа стояли жрицы, двадцать, может быть, тридцать, в туниках из красной шерсти, распахнутых до пояса. Их тела были натерты ароматическими маслами, и от жара такого множества тел, воздух в храме стал почти осязаемым.

Инанна полулежала на своём троне в позе богини любви: широко расставив согнутые в коленях ноги. Её лоно было обращено навстречу идущему супругу. Над телом богини трудились две младшие жрицы, умачивая её лоно и грудь кедровым маслом.

- Стой, - приказала распорядительница, когда Думузи поравнялся со стойкой. - Пей.

Думузи сделал глоток. Жидкость была горькой и обжигающей. Он почувствовал, как она стекает в желудок, разливаясь волной жара. Страх не исчез, но превратился в туман, а тело - в орудие, оторванное от воли.

Богиня.

Он повторял это про себя, как молитву.

Не женщина. Богиня.

Если он подумает «женщина», ритуал потеряет силу, и она отвернется от него. Так учили. Так говорили. Так и должно быть.

Голос жрицы за спиной, ровный, без интонаций, приказал:

- Сними одежду.

Думузи начал расстегивать каунакес. Пальцы не слушались - не от страха, а от чего-то другого, чего он не мог назвать. Он был голоден - не ел сутки. Но это было ничто по сравнению с тем, что творилось у него в голове: кружилась голова, как будто пол под ногами качался, хотя он стоял на твёрдых кирпичах.

Одежда упала на пол. Он стоял обнажённый перед Инанной и тридцатью жрицами, впервые ощущая, что его тело - это не он, а нечто отдельное. То, что можно отдать.

- Подойди, - раздался голос со стороны алтаря.

Думузи сделал шаг. Потом ещё один. Ноги снова стали частью тела.

- Ложись.

Его положили спиной на алтарь. Глина под тканью была прохладной. Это был единственный ориентир. Мир начал вращаться. Потолок храма поплыл, колонны превратились в стволы деревьев, а лица над юношей то становились огромными, то отдалялись, то превращались в луну.

- Богиня не примет вялого супруга, - произнесла Инанна откуда-то сверху. - Плодородие требует сил.

Две младшие жрицы принялись втирать масло в его плоть. Масло обжигало кожу, словно расплавленный воск. Это было не просто благовоние. Это был приказ телу исполнить долг, несмотря на страх и головокружение. Смесь должна была разогнать кровь, унять дрожь и обеспечить завершение ритуала.

Думузи закрыл глаза. Тепло распространялось от паха вверх по животу. Сердце забилося реже, но сильнее.

- Супруг готов, богиня, - услышал он сквозь пелену дурмана.

Он не помнил, как все началось. Тело помнило - оно двигалось, делало то, что должно. Но Думузи был отделен от него, как наблюдатель, смотрящий на себя со стороны. Барабаны отбивали ритм. Жрицы пели - он слышал их голоса, но не разбирал слов. Луноподобное лицо склонялась к нему, поднималась, снова склонялась. Где-то в глубине сознания пульсировала мысль:

Не женщина. Богиня. Не женщина. Богиня.

Потом всё кончилось.

Думузи лежал на алтаре, его тело дрожало мелкой дрожью, как после болезни. Инанна стояла рядом - в длинной тунике из красной шерсти, с диадемой на голове. Её лицо было обычным - красивым и надменным. В нём не было ничего божественного.

- Он достоин, - сказала она присутствующим в зале. - Богиня приняла его семья.

Жрицы запели гимн. Думузи попытался подняться, но руки и ноги не слушались. Он смотрел в потолок и ждал, когда этот кошмар закончится.

Но кошмар только начинался.

Яма была вырыта во внутреннем дворе храма, за тростниковым занавесом. Глубиной по плечи, шириной в два локтя. Дно из сырой глины - он почувствовал её ступнями, когда жрицы опустили его вниз.

- Это нисхождение, - объяснила одна из них, та, что звалась Лилиту. - Ты должен пробыть здесь три дня, как богиня пребывала в подземном мире. Три дня - без еды, без воды, без света. Когда выйдешь, родишься заново. Как царь. Как супруг богини.

- Три дня? - голос Думузи был хриплым, он едва узнавал его.

- Три дня.

Земля засыпала его сначала по пояс, потом выше, до ключиц. Он мог двигать головой, но не руками и не ногами. Глина была тяжелой, давящей. С каждой минутой она становилась все тверже, словно он сам застывал в ней.

- Светильник, - прошептал он. - Хотя бы...

- В подземном мире нет света, - ответила Лилиту. - Богиня прошла этот путь в темноте. И ты пройдешь.

Завеса из тростника опустилась. Свет погас.

Думузи закрыл глаза - и тут же открыл их снова, потому что разницы между закрытыми и открытыми глазами не было. Тьма была не вокруг, а внутри, как будто зрение переместилось из головы в грудь, и теперь он видел не глазами, а чем-то другим - тем, что ощущало глину, давление, холод.

Первый час он молился. Второй - проклинал. На третий он понял, что не помнит своего имени. Нет, имя он помнил. Думузи. Но это имя не имело отношения к нему, к тому, кто был в яме. Думузи - это кто-то другой, тот, кто стоял в храме и пил из чаши. А здесь стоит безымянный, без лица, без тела.

Он пытался кричать, но из пересохшего горла вырывался лишь хрип.

Время потеряло смысл. Он не знал, спит он или бодрствует, жив он или мёртв. Глина давила на грудь, и каждый вдох давался с трудом. Иногда ему казалось, что кто-то стоит над ямой и смотрит на него - он чувствовал этот взгляд, но не мог повернуть голову.

На вторую ночь - он думал, что это ночь, но не был уверен - у него начался бред. Ему привиделся мальчик с разноцветными глазами - один карий, другой янтарный. Мальчик стоял над ямой и смотрел на него сверху вниз. Его губы шевелились, но слов было не слышно. Потом мальчик поднял руку. В руке был топор.

Думузи закричал. На этот раз крик получился - хриплый, рваный, но громкий. Он слышал эхо, отражающееся от стен храма.

Никто не пришёл.

На третий день его выкопали.

Он этого не помнил. Жрицы рассказывали, что он никого не узнавал, бился, как животное, и его пришлось связать. Он помнил только свет: после трех дней тьмы светильник, который принесла Лилиту, показался ему солнцем. Он зажмурился, и из глаз потекли слезы. Он плакал, не переставая, пока не потерял сознание.

Думузи очнулся в комнате, которую раньше не видел. Небольшая, с циновками на полу и единственным окном, закрытым деревянными ставнями. На столе - кувшин с водой, лепёшка, курительная трубка с длинным мундштуком из обожжённой глины.

Он пил воду так жадно, что чуть не подавился. Ел лепёшку, не чувствуя вкуса. Потом взял трубку. Она уже была чем-то набита. От неё шёл сладковатый запах.

Он не знал, что там - ему было всё равно. Затянулся - комната поплыла. Стена боли, выросшая за три дня, треснула, и сквозь трещину хлынуло что-то тёплое, пустое, безмятежное.

Когда Инанна вошла, Думузи сидел на циновке с трубкой в руках и смотрел в стену. Взгляд был расфокусирован, зрачки расширены. Он даже не моргнул, когда она подошла.

- Как ты себя чувствуешь, супруг мой? - спросила она.

Думузи поднял на неё взгляд. Медленно, словно каждое движение давалось ему с трудом.

- Я умер, - сказал он. - Разве нет?

- Ты родился заново, - поправила она. - Ты - царь Урука. Муж богини Инанны. Об этом объявят сегодня на площади перед народом.

- Царь, - повторил он. Слово было безвкусным. Как лепёшка. Как вода. Как воздух.

Инанна наклонилась и взяла его за руку - левую, на которой жрец-татуировщик изобразил переплетенные колосья ячменя. Краска была смешана с измельченной гармалой и опийным соком. Она знала об этом, поскольку сама заказала этот состав. Снадобье будет ежедневно впитываться через лимфу - маленькая, незаметная доза, которая сделает его спокойным, послушным и зависимым.

- Ты будешь носить это как знак союза с богиней, - сказала она, проводя пальцем по свежим линиям. - Каждый раз, когда тебе будет тяжело, касайся этого места. И богиня придёт тебе на помощь.

Думузи посмотрел на свою руку. Три колоса, переплетенные, как цепи.

- Спасибо, госпожа, - сказал он.

Сцена 6. Энкиду очнулся.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

- Приятель... ты жив? Слышишь меня? - голос был низким, спокойным. Не голос бандита - голоса Энкиду напоминал, как запахи.

Сознание всплывало медленно, будто со дна глубокого колодца. Сначала - запах: дым, трава, кровь. Потом - этот голос. И шерсть у правого бока, тёплая, дрожащая. Жива. Дышит.

А я? Голова гудит, как встревоженный улей. Значит - жив.

Он попытался подняться.

- Лежи. Не дёргайся.

Кто-то распахнул на нём тунику. Холодный воздух реки лизнул кожу. Энкиду попытался открыть глаза, но веки были тяжёлыми, словно залеплены глиной.

Сильные пальцы ощупали рёбра, надавили на живот. Шугеш тихо заскулила - где то рядом, почти касаясь его спиной.

- Сотрясение. Рёбра целы. Ран нет. Повезло тебе, пастух.

Кто-то его приподнял и прислонил к стволу дерева. Пелена перед глазами медленно рассеивалась. На фоне луны стоял силуэт - высокий, широкоплечий.

- Посиди. Я твоих «друзей» к реке оттащу. На запах крови гиены сбегутся. А у тебя тут овцы.

Силуэт ушёл.

Зрение прояснилось: луна, костёр, тростник, тёмная вода. Человек тащил по земле тяжёлое тело. Вернулся. Присел напротив.

На плечах - львиная шкура. Капюшон откинут. Тяжёлая челюсть, прямой нос, тонкий шрам на левой скуле.

И глаза.

Левый - тёмный, почти чёрный. Правый - светло янтарный, с вертикальным зрачком, как у льва. Сейчас он расширился, всматриваясь в лицо Энкиду.

- Ты... кто? - голос Энкиду хрипел от пыли.

Незнакомец усмехнулся уголком рта.

- Воин. Иду в Урук. А тут - веселье. Сам кто? И что этим недоумкам от тебя понадобилось?

- Овцу хотели забрать.

- Одну? - незнакомец покачал головой. - И ты решил умереть за овцу?

- Урнам бы расстроился.

- А-а. Тогда понятно. - Он кивнул на собаку. - Это твоя?

- Шугеш, - Энкиду потянулся к ней, но голова закружилась, и он упал на бок.

Незнакомец снова усадил его, аккуратно и уверенно.

- Жива твоя Шугеш. О себе подумай. Как тебя зовут?

- Энкиду. Так Шамхат зовёт. И Урнам.

- Родители?

- Нет, Урнам – пастух, мой наставник. А Шамхат... она хорошая. Я люблю ее.

- У родителей времени не было дать тебе имя?

- Родителей не помню. Меня львица воспитала.

- Львица? - незнакомец хмыкнул. - Моя матушка тоже бывала не в духе, но имя мне всё-таки дала.

- Я вырос в прайде. Родителей убили гиены.

- Львенок, значит... - он задумался. - Знак судьбы.

- Какой знак?

- Так. О своём.

Костёр угасал. Незнакомец подкинул сухих веток.

- Сейчас воды принесу.

Он ушёл к реке. Вернувшись, напоил Энкиду, затем осторожно повернул морду Шугеш к себе. Она лизнула его руку - слабо и доверчиво.

- Жива. Пей, девочка.

Он поставил миску, приподнял собаку, чтобы та дотянулась. Шугеш жадно лакала воду.

- Вот так. Кровь потеряла - восполнять надо. Будет жить твоя помощница. Смотри, пьёт.

Энкиду смотрел молча.

- Почему ты помогаешь? - спросил он наконец. - Другой бы добил нас и угнал отару.

- Я похож на убийцу?

- Да, - честно сказал Энкиду. - Это ты убил разбойников?

- Ты их так напугал, что мне ничего делать не пришлось. Убивать начал ты. Я лишь закончил.

- Я твой должник. Ты спас меня. И её. Как тебя зовут?

Незнакомец уложил Шугеш на траву, отпил воды.

- Мое имя тебе ни к чему. Называй меня Охотник.

- Зачем идёшь в Урук?

- Много вопросов задаёшь, пастух. Иду наниматься на службу. Если повезёт - в царскую стражу.

Энкиду нахмурился.

- Царь Гильгамеш... он плохой. Он причиняет боль. Я... не прощу.

Охотник поперхнулся, закашлялся.

- И ты туда же... - он вытер рот. - Царь тебе чем насолил? Овцу украл?

- Он сделал зло. Её семье. Шамхат. Я расскажу, если встретимся ещё.

Охотник поднялся, прошёлся по поляне. В движениях - напряжение, которое он пытался скрыть. Вернулся. Сел ближе к огню. Смотрел на Энкиду уже иначе - внимательнее, серьезнее.

- Ты царя видел?

- Нет.

Охотник подкинул хворост.

- Ладно. Нельзя вас тут оставлять. Даже с этой полуживой зверюгой. Побуду до утра. Дождёмся твоего наставника - а там видно будет. Сейчас тебя любой шакал загрызёт.

- Как отплачу... не знаю.

- Не думай об этом. Лучше расскажи мне, честно, как своему спасителю: что тут произошло? С самого начала.

Сцена 7. Думузи в Уруке.

Урук. Храм Инанны. Восемь лет назад.

Вода стекала по его телу серыми струйками - грязь, пот, остатки вчерашних благовоний, которые он не удосужился смыть перед тем, что заменяло ему сон. Дурман сменялся туманом, туман - тошнотой. Курить. Потом всё начиналось заново. Он не, помнил, ложился ли вообще.

- Подними руку, - приказала Лилиту, та самая, что когда-то опустила его в яму.

Думузи послушно поднял руку. Жрица провела по телу тряпкой, смоченной в чём-то кислом. Он не чувствовал прикосновения - кожа давно стала чужой, как одежда, только её не снять.

- Сегодня народное собрание, - продолжала Лилиту, не останавливаясь. - Будут просить снизить налог для ирригаторов. Откажи. Богиня так решила.

Думузи кивнул. Не спрашивал почему. Почему - слово из другой жизни. Из того времени, когда он думал, что понимает что-то о мире. Его мнение никого не интересовало - задача поставлена, выполняй. Иначе останешься без дозы.

Его натёрли маслом - дешёвым, с запахом прогорклого кунжута.

Он смотрел на стену. На стене - трещина, похожая на молнию. Он знал наизусть каждую трещину в этой комнате. Семь лет он смотрел на них.

- Смотри сюда, царь, - приказала Лилиту.

Он стоял перед зеркалом из полированной меди, стараясь не смотреть в него. Отражение было размытым, дрожащим, как поверхность воды в колодце. Жрицы суежились вокруг, натягивая на его дряблкое тело царский каунакес. Шерстяная юбка с золотой бахромой висела на нём мешком. Когда-то она плотно облагала подтянутое тело. Теперь талия расплылась, а плечи ссутулились под невидимой тяжестью.

На шее, поверх туники, жрица поправила ожерелье из сердолика и лазурита - подарок Инанны в день Священного брака. Семь рядов, семь врат подземного мира. Думузи никогда его не снимал. Оно было единственным, что связывало его с тем, кем он мог бы стать.

Полированная медь отражала лицо: обрюзгшее, с мешками под глазами, с землистой кожей. Расширенные зрачки - пустые, как у мёртвой рыбы. Думузи было двадцать восемь. Отражению - за сорок.

- Подбородок выше, - сказала Лилиту. - Народ должен видеть лицо царя.

Дверь отворилась. Вошла Инанна.

Она была одета в повседневную тунику цвета небесной лазури, открывающую плечи, но скрывающую руки. Семь рядов лазурита на шее холодно блестели в полумраке.

Инанна окинула царя взглядом с головы до ног.

- Готов? - спросила она Лилиту, продолжая разглядывать Думузи.

- Готов, госпожа.

Верховная жрица подошла ближе, поправила складку на его накидке. По спине Думузи пробежал озноб. Не от страха - по привычке.

◆ ◆ ◆

Площадь перед храмом Инанны была залита солнцем. Думузи шурился от непривычного света. Свет бил в глаза, проникал сквозь кожу, через кости - в тот уголок мозга, который ещё помнил, что такое день.

Народ стоял полукругом.

Старейшины родов - в переднем ряду.

Жрецы мелких храмов - во втором.

Писцы с табличками - по бокам.

Простые горожане - сзади, за деревянными заграждениями, как скот.

Нет. Не скот. Он не должен так о них думать. Они - паства. Он - пастырь. Так написано в гимнах.

Лилиту шла рядом, чуть позади. На её губах играла улыбка - не для него, для народа. «Смотрите, царь идёт. Царь жив. Царь правит».

Думузи переставлял ноги. Левая, правая. Левая, правая... Каунакес тянул вниз, головной убор давил на макушку. Пот катился по лицу. Он не мог вытереть лоб - руки должны были быть сложены на груди, как у статуи.

Помост. Три ступени. Думузи поднялся - мир качнулся.

Писец подал ему табличку.

Пальцы дрожали. Он держал табличку обеими руками, чтобы не уронить. Клинопись перед глазами плыла. Он не читал - не мог. Буквы распадались на чёрточки и клинья, чёрточки складывались в узоры, узоры - в лица, лица - в мальчика с разноцветными глазами.

Мальчик стоял в первом ряду. Нет - не стоял. Там был старейшина Эрен, лысый, с бородой до пояса. Мальчик был вчера, во сне. Или позавчера. Время потеряло ориентиры.

- Читай, - прошипела Лилиту из-за спины.

Думузи разлепил губы. Язык был шершавый, как высохшая глина.

«Так говорит царь Урука, супруг богини Инанны, избранный небесами...»

Голос был хриплым, с надрывом. Но он помнил, как петь - губы продолжали помнить, когда разум забыл. Он вложил в слова интонацию, которую жрецы называли «голосом бога»: низкую, вибрирующую. У некоторых от неё поднимались волосы.

Народ притих.

«...Ирригаторы храмов Нижней равнины просят снизить подать с орошаемых земель на одну десятую. Царь отказывает. Воды Евфрата - дар богов. Тот, кто пользуется даром, должен платить сполна».

Тишина. Потом - шёпот. Слов не слышно, только гул, как от роя мух.

Следующая табличка. Писец подал её ловко, не глядя на царя.

«...Ткацкая мастерская храма Инанны получает неделимое право на окрашивание шерсти в пурпур. Все другие мастерские обязаны передавать сырьё в храм для окраски и получать обратно готовую нить, уплатив храму три сикля серебра за каждую мину».

Слова выходили, не задерживаясь. Он не понимал, что говорит. Пурпур. Мина. Сикль. Это был другой язык - язык людей, которые что-то считали и мерили. Он давно перестал быть одним из них.

Где-то в толпе - ропот. Громче. Кто-то выкрикнул что-то. Думузи не разобрал.

Лилиту едва коснулась его локтя. Лёгкое касание - но он понял: продолжать.

«...Царь объявляет: в честь богини Инанны, дарующей урожай, в следующем месяце - семь дней праздника. Работы прекратить. Храм обеспечит ячменём и пивом всех, кто придёт поклониться».

Это он понимал. Праздник - значит, он будет лежать в своей комнате, а внизу будут петь и пить. Ему принесут трубку. Он затянется. Праздник коснётся и его, пусть в одиночестве.

Народ оживился. Семь дней без работы - это хорошо. Ропот стих, сменяясь одобрительным гулом. Думузи почувствовал, как напряжение спало с плеч. Он сделал то, что должен. Дочитал то, что дали. Он был царём.

Где-то на фоне зазвучала длинная речь о милости богов и мудрости царя. Думузи не слушал. Он смотрел на руки - свои руки, в золоте и с татуировкой на запястье, - и пытался вспомнить, как они выглядели семь лет назад. Тогда они не дрожали.

Думузи шёл по коридору, прижав руку к груди. Он чувствовал, как татуированные колося пульсируют на запястье, впитываясь в кровь. Споткнувшись, ухватился за стену. Лилиту едва поспевала следом, но он отмахнулся от неё.

Дверь курительной комнаты захлопнулась, погрузив его в тот полумрак, что был милее любого солнца.

- Слава Инанне! Слава Думузи! - доносилось с улицы.

А в комнате с окном, закрытым ставнями, Думузи уже лежал на циновке, глядя в потолок и считая расплывающиеся трещины в штукатурке. Они казались ему реками в сумраке подземного мира.

Здесь он был дома.

Здесь ему не нужно притворяться живым.

Сцена 8. Лечение Шугеш.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

- Я всё расскажу тебе, Охотник. Только дай мне помочь собаке. Иначе она умрёт. Охотник отошёл, чтобы не заслонять лунный свет.

- Тебе сейчас самому нужна помощь. Лежал бы ты. Я кое-что смыслю в ранах - посмотрю.

- Мне уже лучше. Шугеш - моя стая. Я не смогу просто лежать и смотреть на луну, когда она в опасности.

Энкиду поднялся на четвереньки и подполз к собаке. Стоя на коленях, стал подрезать шерсть кремниевым ножом. Обнажив участок вокруг раны, устало присел на пятки.

- Сейчас... только переведу дух. Нужно много воды, трава и глина. К реке. Нужно добраться до реки.

Он снова встал на четвереньки и попытался подняться на ноги. Ноги подкосились, и он упал. Охотник наблюдал за его усилиями с грустным любопытством.

- Так у тебя ничего не получится. Давай помогу - всё равно сижу без дела. Обопрись на меня, пойдём к реке. Ты найдёшь нужную траву в тростнике?

- Да. Я узнаю её по запаху.

- Вот и хорошо. А я наполню бурдюк водой. Глину тоже сам смотри, если мне не доверяешь.

- Я доверяю тебе, Охотник. Но ты не местный - откуда тебе знать, где что искать. Глина не каждая подойдёт. Должна быть без грязи. А у берега темно.

- Что-то ты разговорился, пастух. Давай уже держись за мои плечи. Дойдём потихоньку.

Со стороны казалось, будто охотник ведёт подвыпившего пастуха с хмельного застолья: пастух спотыкался на каждом шагу, путаясь в собственных ногах.

- Шугеш слышала их издали, - начал рассказ Энкиду. - Заволновалась. Но я не придал значения. Мало ли кто бродит по степи. Их было пятеро. Подошли к костру, поздоровались. Спросили за своего приятеля, которого потеряли в степи.

- Был ещё один?

- Может, ходит где-то. По описанию - совсем как ты. Огромного роста, в лвиной шкуре. Глаза разного цвета. Но ты-то им не друг, я уже понял.

- Не друг. Дальше что? - перебил Охотник.

- Я сказал, что никого не видел. И Шугеш бы учуяла, если бы кто-то подошёл... Вот здесь, смотри, опускай меня. Я траву поищу, а ты набери пока воду в бурдюк.

Охотник осторожно опустил пастуха на землю. Тот, привычно встав на четвереньки, стал шарить рукой по траве. Понаблюдав за ним какое-то время, охотник вздохнул и шагнул к берегу Евфрата. Зашёл подальше, где вода почище, и набрал полный бурдюк. Хорошо, что луна освещала поверхность, и крокодилы по ночам спят.

- Получилось? - спросил он Энкиду, вернувшись.

- Да, собрал. Теперь давай глину возьмём. Там, на мелководье.

Охотник поднял пастуха на ноги, и они поковыляли ближе к берегу.

- Они сели к костру погреться. Я не возражал. Если их приятель заблудился, то, наверное, увидит костёр издали и подойдёт. Чем искать его где-то.

- О чём они говорили?

- О том и говорили, что у костра вернее дождутся. Потом захотели есть и сказали, что возьмут мою овцу. Но это не мои овцы... Подожди, я посмотрю рану. Не заслоняй свет. Бурдюк здесь?

Опустившись на колени, Энкиду склонился над раненой собакой. Аккуратно прочистил рану от грязи и присохшей окровавленной шерсти. Потом прошёлся влажной тканью, оторвав кусок от своей туники. Полил водой, подождал, пока подсыхающая грязь и кровь отмокнут. Протёр пучком травы.

Шугеш держалась со стойкостью настоящего воина степи. Лишь изредка повизгивала, когда он задевал особо чувствительные места, но лежала смирно.

- «Не мои это овцы», - говорю я им. - «Могу поделиться своими припасами, или ждите до утра. Придёт Урнам - с ним и договаривайтесь». Они не хотели ждать. Рассмеялись. Один из них достал нож и пошёл к отаре. Я за ним. Пытался удержать за руку. Он оттолкнул меня. От неожиданности я упал. Он ударил меня ногой в живот. Вот тут Шугеш и кинулась на него... Рану почистил.

Энкиду взял пучок травы и стал пережёвывать в жидкую кашу. Полученное снадобье положил на рану.

- Шугеш вцепилась ему в ногу. Тот взвыл - челюстями боги её не обидели. Он ударил её ножом, замахнулся второй раз. Тут уже я подросел с камнем, что попался под руку. Пробил голову. Я не хотел его убивать, но думать было некогда... Снадобье положил. Теперь замажу сверху глиной и буду молиться Инанне. Меня Шамхат научила.

Он размял в руках глину и аккуратно нанёс поверх раны. Встал на колени и начал что-то бормотать, обращаясь к луне. Это заняло какое-то время. Потом, стоя на коленях, трижды

сделал земной поклон. Сел у изголовья собаки и стал гладить её по загривку, нашёптывая слова успокоения.

- Дальше-то что? - прервал затянувшуюся паузу Охотник.

- Разбойники повскакивали с мест и уже вчетвером кинулись на меня. Одного я схватил за голову и хорошенько встряхнул - шея хрустнула. Но кто-то из них зашёл сзади и ударил меня по голове чем-то тяжёлым. Вот и всё. Дальше знаешь лучше меня. Очнулся, когда ты поливал меня водой.

- Говоришь, они искали человека, похожего на меня? - Охотник посмотрел в сторону Урука и задумался.

Сцена 9. Воспитание царя.

Урук. Храм Нинсун. Восемь лет назад.

«...и Лугальбанда обернулся к воинам и сказал: не ждите, пока враги заполнят ущелье. Идите навстречу, пока дорога узка, - там один стоит десяти».

Гильгамеш отложил табличку и поднял глаза на мать. Левый - карий, человеческий - смотрел как обычно. Правый - янтарный, с вертикальным зрачком - шурился от сосредоточенности.

- Это из похода в горы Забали, - подтвердила Нинсун.

Она сидела у стены на низком каменном сиденье, подложив под спину циновку из тростника. Свет из верхнего проёма падал косо, освещая табличку в руках сына и оставляя её лицо в полутени. На ней была повседневная тёмно-синяя туника, волосы закрыты платком. Без ритуальных украшений - просто женщина, и всё же верховная жрица со стальным взглядом.

- Третий год правления Лугальбанды. Ему было двадцать шесть.

Гильгамеш помолчал. Ему было семнадцать. Борода ещё не обрела чёткую прямоугольную форму - только густая щетина на скулах и подбородке, с которой он не знал, что делать: то сбрасывал медным лезвием, то оставлял расти, пока она не начинала чесаться. Тело уже вытянулось до полного роста, а плечи всё ещё наливались силой, как тесто на закваске.

- Здесь ошибка, - вдруг сказал юноша.

- Где?

- «Один стоит десяти». В ранней версии этой таблички было написано «один стоит двадцати». Здесь - «один стоит десяти».

Он посмотрел на мать. В его взгляде не было вызова - только констатация факта.

- Поздняя копия, - ответила Нинсун. - Создана лет через двадцать после оригинала. Писец - или тот, кто ему диктовал, - счёл, что «двадцать» - это преувеличение.

- Преувеличение?

- С точки зрения человека, который никогда не оказывался в узком ущелье под натиском превосходящих сил.

Гильгамеш отложил табличку. Его длинные пальцы, мозолистые от оружия и глины, легли на колени.

- Ты хочешь сказать, что писец поправил царя?

- Я хочу сказать, что писец хотел угодить другому царю. Которому было выгодно, чтобы подвиги его предшественника выглядели скромнее.

Тишина. В храме Нинсун тишина была иной, чем в других храмах: не ритуальной, не наполненной ожиданием, а просто отсутствием лишних звуков. Никаких благовоний, никаких песнопений. Только ветерок из открытой двери и далёкий гул города, похожий на прибой, о котором рассказывали купцы.

- Они переписывают историю, - сказал Гильгамеш. Не с гневом. С пониманием.

- Они всегда переписывают историю. Нужно понимать не только то, что написано, но и то, зачем это написано.

- Кто - «они»?

Нинсун не ответила сразу. Потом сказала:

- Тот, у кого есть такая возможность. Контролирующий историю претендует на будущее...

- А историю контролирует владеющий настоящим, - закончил фразу Гильгамеш.

Нинсун улыбнулась.

Гильгамеш поднялся. Движения его были быстрыми, почти звериными. Он выпрямился, как пружина, - макушка чуть не коснулась потолочных балок. Ему вдруг стало тесно под низким сводом учебной комнаты.

Внутренний двор храма Нинсун не был похож на двор храма Инанны. Там - обожжённый кирпич, колонны, каменные скамьи, иерархия, выраженная в архитектуре. Здесь - утрамбованная глина, поросшая по краям мятой, простой навес из тростника. В центре - тренировочная площадка: врытый в землю столб из кедрового бревна, обмотанный кожаными ремнями для хватки. Рядом - груда тростниковых связок, заменявших чучела, и набор камней разного веса.

Сабум стоял посреди площадки, заложив руки за спину. Старику было под шестьдесят, но никто не знал, сколько точно. Когда-то Сабум был командиром передового отряда Лугальбанды. Потом - телохранителем. Потом - тем, кто вынес Лугальбанду на руках со стройки, когда тот сорвался с лесов. Руку ему придавила упавшая балка. Он сам отрубил её топором.

Нинсун забрала старого солдата в храм. Не из жалости, а из расчёта: человек с его опытом, способный вынести любую боль, всегда пригодится. Она не ошиблась. Сабум стал наставником Гильгамеша, когда мальчику исполнилось двенадцать. За пять лет он научил его большему, чем любой жрец.

- Опять без доспеха, - проворчал Сабум, когда Гильгамеш вышел на площадку.

- Жарко.

- Будет жарко, когда тебя проткнут копьём. Тогда уже не снимешь.

Гильгамеш не ответил. Подошёл к камням, выбрал самый тяжёлый и поднял его одной рукой. Не крикнул. Не выдохнул. Просто поднял и поставил обратно.

Сабум хмыкнул. Это был его высший знак одобрения.

- Сила без умения - что хвост без пса, - сказал он. - Сам по себе он никого не облает. Покажи ноги.

Гильгамеш переступил с ноги на ногу. Сабум покачал головой.

- Вот так и будешь стоять, когда тебе в живот воткнут копье. Правую ногу вперёд. Колено чуть согни. Не приседай - согни. Вес на переднюю стопу. Нет, не так - ты сейчас упадёшь, если я толкну. Вот так.

Он толкнул. Гильгамеш не упал, но пошатнулся.

- Видишь? - Сабум поднял культию. - Если бы это был щит, ты бы отлетел. Ещё раз.

Нинсун вышла следом, закутавшись в лёгкую накидку. Села на краю площадки. Наблюдала.

Гильгамеш переставил ноги. Сабум толкнул его снова. Гильгамеш устоял.

- Так лучше, - сказал старик. - Теперь бей.

Гильгамеш начал бить по чучелу в бешеном темпе. Тростник трещал, солома летела клочьями.

- Стой, - скомандовал Сабум.

Гильгамеш остановился.

- Сколько ударов?

- Шестьдесят. Может, семьдесят.

- Сколько точных?

Пауза. Гильгамеш посмотрел на чучело. Удары были нанесены по всей поверхности - ни одного прицельного.

- Ты не бьёшь, - сказал Сабум. - Ты размахиваешь. Размахивать могут и ослы, когда их кусают мухи. Бьёт тот, кто знает, куда и когда. Для победы достаточно одного точного удара. Покажи такой удар.

Гильгамеш ударил. Один раз. Связка тростника переломилась пополам, верхняя часть отлетела на три локтя.

Сабум подошёл к обломкам. Посмотрел на перелом. Почесал затылок - жест выглядел комично, но Гильгамеш не улыбался.

- Уже лучше, - сказал Сабум. - Место ты выбрал правильно - вот тут, где вязка. Теперь нужно научиться выбирать момент.

- Матушка тоже так говорит. Точно такими же словами.

Сабум посмотрел на Нинсун. Она едва заметно кивнула.

- Твоя мать - мудрая женщина, - сказал Сабум. - У меня в твоём возрасте не было таких наставников. Всё приходилось постигать в бою. Тогда в мой щит одновременно попало три копья, а четвёртое - в руку, вот здесь. - Он поднял культю. - Я размахивал топором. Как ты сейчас. Если бы выждал секунду, ударил бы не по щиту, а по тому, кто его держал. Понимаешь?

- Секунда.

- Секунда - это жизнь. Твой отец это знал. В ущелье Забали он не размахивал руками. Он выбирал момент. Знаешь, что говорили потом эламиты? «Лугальбанда бил как небесный бык, которого не остановить». Но бык бьёт вслепую, а он бил как лев - прицельно и лишь когда жертва открывалась.

Сабум присел на камень под навесом.

- Я был в передовом отряде. Тридцать человек. Нас было тридцать против пятисот эламитов. Я думал: мы погибнем. А Лугальбанда стоял перед нами и говорил: «Не стойте. Идите навстречу. Навяжем им бой на наших условиях». И мы пошли. И я не погиб. Двадцать семь из тридцати - не погибли. Потому что он не размахивал мечом. Он знал, когда и как бить... Иди. Поработай ещё у столба.

Гильгамеш кивнул и направился к кедровому столбу. Обхватил перекладину руками и повис, подняв ноги над землёй. Мышцы спины и плеч напряглись, словно корни старого кедра, проросшие сквозь глину.

Сабум остался стоять под навесом, глядя в спину Гильгамешу. Потом подошёл к Нинсун. Сел рядом - тяжело, с шумным вздохом.

- Ты спрашивала, готов ли он, - сказал Сабум. - Я тебе отвечу. К бою - готов. К войне - нет. К тому, чтобы вести людей на врага, а не убивать их собственной силой, - нет. Ему ещё нужно... - он помолчал, подбирая слово. - ...уметь останавливаться. Раз - и остановился. Лугальбанда умел. Не я его научил. Сам дошёл. Или не сам. Я не знаю, откуда.

Сабум поднялся. Хрустнул суставами - коленями, спиной, плечами.

- Эй! - грубо крикнул он. - Не виси, как туша в мясной лавке. Поработай спиной. Тридцать подтягиваний. И если я увижу, что болтаешь ногами, добавлю ещё десять.

Нинсун смотрела. В полумраке под навесом её лицо было неподвижно, пальцы на коленях лежали спокойно.

- Двадцать три... двадцать четыре... не раскачивайся, я говорю... двадцать пять... - считал Сабум.

Гильгамеш подтягивался ровно, без рывков.

«Ещё не царь, - думала Нинсун, - но уже не мальчик».

- Тридцать! - рявкнул Сабум. - Спускайся. Как воин спускайся, а не как финик с пальмы.

Гильгамеш спрыгнул, приземлившись на полусогнутые ноги. Поднял голову. Правый глаз, янтарный, блеснул на солнце - зрачок сузился до нитки. Шрам на скуле дёрнулся вместе с мышцей.

Сабум подошёл к нему вплотную. Посмотрел снизу вверх - Гильгамеш был на голову выше.

- Устал? - спросил Сабум. - Не показывай усталость. Зол? Не показывай гнев. Испуган? Не показывай страха. Молчи, когда хочется кричать. Влюблён? Не показывай любви. Царь не бывает слабым.

Сцена 10. Рассказ Энкиду.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

- Они искали своего друга, похожего на тебя. А нашли смерть. Ты ищешь доблестной службы. Но боюсь, найдешь бесчестие, - сказал Энкиду, подбрасывая хворост в костер.

Он уже мог встать на ноги, но гримаса боли время от времени пробегала по его лицу.

Охотник поднял взгляд.

- Почему бесчестие?

- Царь, которому ты хочешь служить, - плохой человек. Он погубит тебя, как погубил семью Шамхат.

- Что он им сделал? И за что? - поинтересовался Охотник.

Энкиду сжал кулаки.

- Без причины. Пришло ему в голову, и он сделал это.

- И?

- Он лично засек ее мать плетью до смерти. А отца приказал скормить крокодилам - тот пытался защитить семью. Гильгамеш забрал Шамхат к себе. Держал как пса на привязи. Приходил, когда напивался вина. Бил Насиловал. Потом она ему наскучила. Он выбросил её на улицу. Храм Инанны ее приютил. Ей было двенадцать лет, - глаза Энкиду потемнели от гнева.

Речь, и без того нескладная, стала рваной и сбивчивой.

Охотник наблюдал за ним с возрастающим интересом.

- Тебе это Шамхат рассказала? - наконец поинтересовался он.

- Да, она. Она плакала. Я укрывал её шкурой и гладил волосы, пока дрожь не ушла.

- Ты думаешь, это правда?

Энкиду оторопел. Ему не приходило в голову, что можно усомниться в сказанном.

- А как иначе? Шамхат хорошая. Она не выдумает такое про себя, про своих родителей.

Охотник провёл пальцем по лезвию топора, счищая налипшую глину. Начал задумчиво перебирать кожаную обмотку рукояти.

- Львицы не лгут, газели не лгут. Люди лгут. Чаше чем говорят правду.

- Я бы почувствовал обман по запаху! - вспыхнул Энкиду. - Ты не знаешь ее. Если бы знал - не сомневался бы.

Охотник усмехнулся уголком губ - коротко, почти незаметно.

- Я знаю другое. Когда самец чувствует запах самки, он учует в нём всё, что хочет учуять: правду, любовь, верность. Даже ум. Но это всего лишь запах самки. Самец чувствует то, что хочет чувствовать - в этом ловушка.

Ночь дышала ровно. Костёр потрескивал, бросая рыжие отблески на лица. Шугеш лежала рядом, тяжело дыша, но уже без стонов. Энкиду подбросил в огонь хворост - резко, будто он хотел ударить, а не накормить пламя.

- Ты нехорошо говоришь. Ты спас меня - я не могу тебя прогнать. Но хочу.

Он сглотнул.

- Расскажи лучше, как вы познакомились, - перевел разговор Охотник.

- Я жил один в зарослях тростника. Меня выгнал Хумду, новый вожак прайда. Однажды я увидел ее на берегу. На ней не было одежды. Она мыла в воде свое тело. Я...я никогда не видел ничего прекраснее. Я любовался ею. Затаил дыхание. Забыл про осторожность и наделал шума. Она заметила меня, не испугалась, а улыбнулась. Расстелила плащ на песке и легла. Поманила меня рукой. Обычно я не иду к людям. Но тогда... я подошел бы даже против своей воли. «Ложись рядом со мной», - пригласила она жестом.

Энкиду глубоко вздохнул и закрыл глаза. Он заново переживал те сладостные минуты.

- Она не испугалась? Не смутилась, не пыталась убежать? - голос Охотника вернул его в реальность.

- Нет, она приняла меня сразу. Я чувствовал запах ее желания и не мог ему проивостоять. Мы повторяли это снова и снова. Она разводила костер, я ходил за дичью. Потом снова возвращался в ее объятия. Ночь сменяла день - день сменял ночь. Так прошло несколько дней. Я никогда не забуду ее запах. Он звал и не давал насытиться.

- В запахах им нет равных, - согласился Охотник. - Жрицы Инанны хранят запахи в специальных сосудах. Есть призывные запахи, есть отталкивающие. Есть такие, что вызывают доверие. Есть те, что будят тревогу и грусть. Это львицы призывно пахнут только во время гона. Снадобья храма обманывают мужчин.

Охотник сорвал пучок травы и зачем-то протер лезвие.

- Еще жрицы наносят краску на лицо, чтобы выглядеть молодыми, - продолжил он, - веселыми или грустными, покорными или надменными. Мужчины веками куют оружие, женщины плодят обман.

Энкиду лежал на спине и смотрел в звездное небо. Взгляд его был мечтательным и счастливым. Он не хотел слушать Охотника.

Потом он резко сел.

- Я хочу познакомить тебя с ней. Ты сам увидишь: обидеть такую женщину мог только изверг. Он не должен жить под солнцем. Я сломаю ему хребет и отправлю в подземный мир. Пусть боги решат, что с ним делать.

- Это Шамхат так велела?

- Нет, она боится за меня. Говорит, Гильгамеш очень силен, его не победить в честной схватке.

- А ты?

- Я вызову тирана на бой. Пусть я погибну. Но все увидят, что правда за мной.

- А она?

- Она говорит: неважно, что подумают люди. Важен результат.

Охотник тихо хмыкнул.

- Твоя подруга рассудительна для безутешной сироты. Ты не предлагал ей переехать в твою хижину? Завести детей, забыть о мести? Жить долго и счастливо? Зачем она живет в этом городе греха и разврата?

- Предлагал.

- Ну и?

- Она не может думать о материнстве, пока не отомстит за своих.

Охотник поднял на него глаза - разные, как день и ночь.

- Материнство делает женщину женщиной. Без материнства - это непредсказуемое, лицемерное и истеричное существо. От которого следует держаться подальше.

- Мы еще будем счастливы. После мести.

Охотник отложил наконец топор и взглянул на Энкиду в упор.

Костёр потрескивал. Шугеш тихо таявнула во сне. Ночь стала чуть холоднее.

- После мести не будет ни тебя, ни ее. Чем бы все ни кончилось.

Сцена 11. Думузи все.

Урук. Храм Инанны. Восемь лет назад.

Полуденное солнце стояло в зените, ослепляя глаза белым, немигающим огнём. Площадь перед зиккуратом Инанны была забита до отказа. Тысячи жителей Урука - от знатных горожан в выбеленном льне до нищих в грубых лохмотьях - стояли плечом к плечу, задыхаясь от жары и нетерпения. Воздух дрожал от гудящего говора, напоминающего шелест тростниковых зарослей под ветром.

В центре внимания возвышался семярусный зиккурат. Его лестница, словно высеченный из камня язык, тянулась к небу. Но сегодня ступени служили не для восхождения, а для нисхождения.

Представление началось под сухой, ритмичный бой барабанов, от которого у зрителей по спинам бежали мурашки.

У самого подножия, в теневой нише, символизирующей врата подземного мира - Кур, сидела фигура, закутанная в чёрные отрепья. Актриса - горбатая старуха со скрипучим голосом - изображала Эрешкигаль, властительницу мёртвых. Она раскачивалась взад-вперёд и завывала, избивая себя старческими кулаками по груди. Лицо скрывала грубая маска из обожжённой глины - белая, с чёрными провалами глазниц.

- Где ты, муж мой, Гугаланна? - голос актрисы, искажённый глиной, звучал глухо, как из колодца. - Зачем ты ушёл в страну без возврата? Кто теперь будет делить со мной ложе? Кто будет пить пиво из моих рук?

Толпа затихла. Женщины заплакали - не из жалости, а по привычке: так полагалось во время мистерии.

Жрецы, игравшие стражей подземного мира, застыли на каждом ярусе, неподвижные, как изваяния.

Запели трубы. Взоры всех устремились на вершину. Там, на верхней площадке, сияя, как утренняя звезда, стояла Инанна. Её играла высокая, статная жрица, чьё лицо скрывала золотая маска с инкрустацией из лазурита. На ней были все регалии власти: венец с рогами и

финиковыми ветвями, платье-каунакес из тёмно-красной шерсти, расшитое золотыми розетками, накидка из леопардовой шкуры, ожерелье из семи рядов сердолика и лазурита, массивная нагрудная пластина.

- Я иду к сестре в подземный мир, откуда не возвращаются! - провозгласила она. Голос, усиленный глиняными чашами-резонаторами, расставленными вдоль лестницы, достиг самых дальних рядов. - Хочу присутствовать на похоронах её супруга!

Ниншубур, служанка богини, упала на колени у самого края яруса.

- Госпожа, не ходи! - закричала она. - Там тьма, там холод, там не пьют воды и не едят хлеба!

Инанна повернулась к ней.

- Жди меня здесь. Если я не вернусь через три дня, взывай к богам. Пусть они спасут меня.

Инанна начала спуск.

Толпа ахнула - богиня ступала так, будто земля под её ногами была облаком. Её движения были текучими, выверенными до мелочей. Каждый жест - часть ритуала.

На первом ярусе страж преградил ей путь:

- Кто идёт в дом моей госпожи?

- Я - Инанна, царица небес.

- Оставь свой венец. В подземном мире нет корон.

Она сняла венец и отдала. Толпа ахнула.

На втором:

- Оставь ожерелье. В Кур нет украшений.

Она сняла ожерелье.

На третьем:

- Оставь золотой пояс. В Кур нет богатства.

Пояс лёг на ступени.

На четвёртом:

- Оставь браслеты. В Кур нет власти.

На пятом:

- Оставь тунику. В Кур нет стыда.

Толпа замерла. Инанна осталась в тонкой нижней повязке.

На шестом:

- Оставь повязку. В Кур нет плоти.

Она сняла её, прикрывшись руками. Жрецы высоко подняли дымовые курильницы. Дым пеленой скрыл наготу богини, завершая её обездоливание.

На седьмом:

- Оставь дыхание. В Кур нет жизни.

Она опустила руки.

У подножия зиккурата дым клубился так густо, что казалось, там действительно зияет вход в мир мёртвых.

Эрешкигаль подняла голову:

- Как ты посмела явиться в мои чертоги?

- Я должна участвовать в обряде. Я чту волю богов, - ответила обнажённая Инанна.

Она сделала шаг вперёд.

- Мой муж погиб из-за тебя! - Эрешкигаль вскочила и ударила Инанну жезлом.

Барабанный бой оборвался вместе с жизнью богини. Народ застонал. Женщины рыдали. Богиня умерла.

Её тело обмякло, глаза закатились. Жрецы подхватили её и понесли вниз, к скрытому люку, ведущему в подвал храма. Грустно запела свирель.

На вершине зиккурата Ниншубур упала на колени, воздела руки к небу:

- О, Энки, владыка мудрости! - её голос звенел над площадью. - Спаси мою госпожу! Она спустилась в подземный мир и не вернулась!

Пауза. Народ затаил дыхание.

- Энки, владыка вод бездонных! Пошли своих помощников! Пошли гала, которые знают пути между мирами!

Из бокового прохода вышли два жреца в странных масках, сочетающих черты зверя и человека. Это были гала, посланцы Энки. На их поясах висели глиняные сосуды с «водой жизни» и «травой жизни».

Они начали спускаться по лестнице. Стражи, которые так строго допрашивали Инанну, угодливо отступили перед ними. Гала не имели ни одежд, ни украшений, ни пола, ни имён. Безразличны и неотвратимы, как сам рок.

Спустившись в логово Эрешкигаль, они не стали сражаться. Низкими, вибрирующими голосами они присоединили своё пение к стенаниям богини подземного мира.

- О, как болит твоё чрево!

- О, как болит твоя голова!

- О, как страдают твои ноги!

Они сострадали ей так искренне и глубоко, что Эрешкигаль, восседающая на троне из чёрного камня, успокоилась. Её жёсткость растаяла в потоке чужой боли.

- Чем наградить вас за утешение? - спросила она устало.

- Отдай нам тело Инанны, - хором ответили гала. - Пусть она оживёт.

Эрешкигаль помедлила, глядя в чёрную нишу, где лежало тело:

- Кто сходит вниз, тот не возвращается. Если она уйдёт, кто займёт её место? Равновесие мира не должно быть нарушено.

Гала переглянулись:

- Мы пришлём ей замену. Того, кто достоин.

Эрешкигаль махнула рукой. Гала вынесли Инанну. Поднесли к её губам «растение жизни» и окропили «водой жизни». Инанна дёрнулась. Встала. Она была жива.

Вдох облегчения прокатился по толпе.

Медленно, под торжественную музыку, гала повели её вверх по лестнице. На каждом ярусе ей возвращали одежды, браслеты, ожерелья, венец. Она снова становилась богиней.

Достигнув вершины, она подняла руки к небу:

- Я вернулась! Подземный мир отпустил меня! Равновесие сохранено!

Толпа взорвалась ликованием. Но действие ещё не закончилось.

- Замена! - пронеслось по рядам. - Кто пойдёт в Кур?

На вершине зиккурата, из боковой двери храма, вышел актёр. Он был одет в царский каунакес, на голове - высокий головной убор с рогами, лицо скрывала маска - лицо Думузи. Молодое, красивое, слегка наивное.

Толпа замерла. Это же их царь! Или его священный двойник? В полуденном мареве, на такой высоте, различить было невозможно.

Фигура в маске уверенно шагнула к первой ступени. Он не раздевался. Он шёл как на казнь, с гордо поднятой головой.

Инанна указала на него перстом:

- Ты заменишь меня. Ты будешь стражем подземного мира, пока я дарю урожай людям!

В сопровождении гала Думузи спустился к подножию. Перед Эрешкигаль он преклонил колено:

- Я пришёл.

Гала и Эрешкигаль повели его вглубь ниши, во тьму. Тяжёлая штора из чёрной шерсти упала, скрывая их от глаз.

По всей площади разнёсся мощный звук труб. Жрецы, стоявшие на стенах, ударили в тимпаны. Небо, казалось, посветлело.

- Инанна вернулась! - кричали глашатаи. - Жизнь вернулась! Пусть плодится скот! Пусть колосится ячмень! Царь Думузи пожертвовал собой ради нас! Он сейчас в подземном мире страдает, чтобы мы ели хлеб!

Толпа хлынула к подножию зиккурата, падая на колени, вопя, плача от восторга и благодарности. Они верили. Они видели, как их царь спустился в Кур. Они понимали, почему его нет на троне, - он исполняет высший долг. Никакой слабости, никакой болезни. Только великий, страшный ритуал.

А где-то в глубине храма, за толстыми стенами, в душной, прокуренной комнате, настоящий Думузи лежал на скатанных циновках. Сквозь каменную толщу до него доносился приглушённый гул барабанов. Он не дрожал. Он уже не мог. Он просто смотрел в потолок, где тени от решётки ложились полосами, похожими на прутья клетки, и знал: его образ сейчас становится мифом, а он сам - всего лишь тенью.

Равновесие восстановлено. Ложь стала истиной. Народ Урука со счастливыми песнями шёл в храмовые амбары за ячменём, освящённым жертвой царя.

- Госпожа?

- Сосуд треснул, - Инанна стояла у окна, не оборачиваясь. Голос её был тихим, ровным, без единой дрожи. - Мы можем склеить его глиной. Можем спрятать трещины за пурпурным занавесом. Но воду в нём не удержать. Думузи исчерпан.

Она повернулась. Лицо было непроницаемо, как полированный нефрит.

- Престол не может пустовать. Нужна рука, что держит скипетр. Пусть даже рука, двигаемая нашими нитями. Нити Думузи оборвались. Нам нужен новый супруг богини.

- А... А наследник Лугальбанды? - Лилиту понизила голос, косясь на дверь. - Юноша подрастает. Нинсун учит его. Говорят, он...

- Говорят, он унаследовал ярость отца, - перебила Инанна. Интонация стала вкрадчивее. - Но ярость нам не нужна. Нам нужен порядок. Пока Гильгамеш дышит, любой, кого мы подведём к алтарю, будет казаться народу самозванцем. Харизма, увы, не покупается серебром.

Лилиту молчала.

- Думузи уйдёт в Кур по-настоящему. Мы устроим ему великие похороны. Народ будет рыдать. И когда слёзы высохнут, мы предложим им новое лицо. Новую надежду.

- Вы хотите...

- Я хочу, чтобы путь к трону был чист, - Инанна подошла к столу, взяла нефритовую печать. - Гильгамеш - камень, лежащий поперёк дороги. Пока он на своём месте, повозка не тронется. Но камни не убирают криком. Их обходят. Или размывают водой. Сначала мы уберём препятствие. Потом подумаем о новом царе.

Сцена 12. Ниншу.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

Прохладный ветерок, стелющийся по земле, прошуршал в зарослях тамариска и пробежал между пастухом и Охотником. Не найдя ничего интересного, он отправился шептаться с тростником у реки.

Охотник снова взялся чистить топор. Энкиду повернулся к Шугеш, в который раз осматривая её рану.

Повисло тягостное молчание.

Вдруг Шугеш дёрнула ухом и приподняла голову. Тихонько заскулила от волнения и пошевелила хвостом.

Энкиду поднялся на колени, насторожив слух. Он повертел головой, пытаясь разглядеть в переплетении ночных теней источник постороннего звука.

В темноте вспыхнули два янтарных огня - глаза, устремлённые на костёр и людей.

Охотник переложил топор в правую руку и плавно приподнялся в боевую стойку.

Энкиду тоже вскочил на ноги - легко и без страха, словно не он пару часов назад лежал без сознания.

- Ниншу пришла! Идёт с наветренной стороны. Охотник, это свои!

Из темноты за пределами круга света вышла тень.

Шагов не было слышно - только мягкий, приглушенный травой шорох под тяжёлыми лапами. Львица.

Она была велика. Даже в старости её фигура напоминала мощное каменное изваяние. Шерсть, когда-то золотисто песчаная, поседела на морде и на загривке, словно припорошенная инеем.

На левом боку - три старых, белёсых шрама: память о встрече с когтями гиен.

Шугеш нетерпеливо повизгивала и пыталась встать, но была ещё слишком слаба.

Ниншу остановилась на границе света. Её тёплые глаза - янтарные, с зелёным отблеском - медленно осмотрели Охотника и задержались на Энкиду.

В этом взгляде не было ни угрозы, ни страха - только узнавание и тихая, неизбывная усталость.

Энкиду сделал шаг навстречу и опустился на колени. Обнял её за голову и уткнулся лбом в тёплую, пахнущую сухим ветром шерсть.

- Ниншу...

Львица медленно моргнула. Издала низкий, вибрирующий звук - мягкое урчание, похожее на далёкий гром.

Коснулась носом его плеча, потом провела шершавым языком по трём царапинам на правой щеке - тем самым, что остались с детства. Знак усыновления.

Она обошла костёр - медленно, чуть припадая на переднюю лапу. Обнюхала рану Шугеш. Потом подошла вплотную к Охотнику. Тот не двинулся. Только правый, светло янтарный глаз слегка прищурился, а левый, тёмный, остался открытым.

Львица постояла секунду, втягивая запах незнакомца. Не учуяв угрозы, спокойно отвернулась и легла рядом с Энкиду.

Охотник медленно убрал руку с топора.

- Она спасла меня от гиен. Семь лет оберегала как настоящая мать. Без неё я лежал бы костями в степи.

- Боги были милостивы к тебе, - заметил Охотник.

- Богом для меня был Уршу - вожак прайда. Без его согласия прайд меня бы не принял,

- Энкиду погладил львицу по седому загривку. - Уршу заменил мне отца. У него я многому научился.

Охотник кивнул, подбрасывая ветку в костёр.

- Приветствую тебя, Ниншу, - сказал он негромко. - Ты вырастила хорошего сына. Достойная мать.

Львица приоткрыла янтарный глаз, блеснув им в темноте, и снова закрыла - приняв похвалу как должное.

Энкиду коснулся трёх длинных царапин на своей правой щеке.

- Она несла меня зубами. За заливку. Я помню, как она дышала. Я очень боялся. Она мурлыкала, чтобы я не плакал.

Он попытался воспроизвести звук - низкое, вибрирующее урчание. Получилось неуклюже.

Ниншу фыркнула и легла чуть ближе, прикрыв глаза.

Шугеш, собравшись силами, подползла к ней бочком, виляя хвостом и тихо поскуливая.

Костёр потрескивал, выбрасывая в темноту искры, похожие на угасающие звёзды.

Охотник смотрел на них. В свете углей они казались частями одного целого - звери и человек. Львица была центром притяжения, собирая вокруг себя стаю. Рядом с ней каждому становилось спокойнее и уютнее.

Сцена 13. Гиены.

Пастушья стоянка в окрестностях Урука.

— Энкиду, — окликнул пастуха Охотник. — Что ты помнишь о своих родителях?

Энкиду сидел, обхватив колени руками, и смотрел не на пламя, а куда то за костёр, туда, где ночь сгущалась в плотную, непроглядную стену. Шугеш тихо посапывала, положив голову на лапы. Ниншу дремала, но уши её оставались повёрнутыми к говорящему.

— Мне было три года, — начал Энкиду. Голос звучал ровно, без дрожи, будто он пересказывал не свою боль, а чужую охоту. — Я уже ходил, говорил, умел прятаться. Когда гиены напали, я успел забиться под днище телеги. В щель между досками видел всё.

Он задумался, погладил Ниншу по загривку. Львица открыла янтарно зелёный глаз с вертикальным зрачком и снова закрыла.

— Кем были родители? Не знаю. Пахли пылью и дорогой. Помню повозку, скрип колёс, осла. Мы с мамой на повозке, отец идёт в поводу. Земля казалась спокойной... потом я понял, почему. Вблизи Урука разбойников не было. А дикие звери... здесь обитал прайд Уршу. А львы не охотятся на людей. За людоедами придут с огнём и копьями. Не уйдут, пока не истребят.

— Гиены нарушили границы? — спросил Охотник.

— Да. Они появились там, где их не должно было быть. Их вожак, Гирхаш — наглый и трусливый — не признавал законов. Пойти на прайд у него не хватало смелости, а вот устроить набег на чужую территорию — мог. Нам не повезло.

Гиены появились сразу со всех сторон. Мама прижала меня к груди. Отец схватил из телеги нож и топор. Стал отбиваться. Но как одному устоять против стаи? Спереди — визг, сзади — хруст. Повернёшься — одни отступят, а другие уже вцепились в пятки.

Осла загрызли первым.

Мать толкнула меня под повозку и приказала: «Сиди смирно». Сама схватила обломок жерди и встала рядом с отцом — спина к спине. Но это лишь ненадолго отсрочило их гибель.

Гирхаш метнулся к горлу матери. Что ему палка в слабых женских руках? Отец развернулся — уже поздно. Его топор рассёк пустоту: Гирхаш успел отскочить. Он не лез под удар. Другие гиены вцепились сзади — кусали за ноги, валили на землю...

Энкиду вскочил на ноги. Кулаки сжались, голос дрожал. Ниншу окончательно проснулась и смотрела на него, не мигая. Даже Шугеш перестала посапывать и повернула лохматую морду к хозяину.

— Я думал, что и мой конец близок. Но тут по степи прокатился рык. Я не понимал, что происходит... но появилась надежда. Наверное, звучит глупо, но в той ситуации любой поворот мог быть только к лучшему. Хуже просто некуда.

Так и случилось. Гиены отступили. Это Ниншу пришла разобраться, кто хозяйничает на земле прайда. Если лев приходит на добычу, гиены отбегают шагов на триста, садятся и ждут: пусть поест и уйдёт — им достанутся объедки.

Но Ниншу пришла не за добычей. Она пришла прогнать их со своей земли. Гиены, вкусившие кровь, поняли: им не дадут даже костей.

Гирхаш решился на отчаянный шаг — атаковать львицу.

Гиены кружили. Одни отвлекали спереди, другие нападали сзади. Ниншу вертелась волчком, рвала зубами, била лапами. Но у неё только одна пасть и четыре лапы, а гиен было около пятнадцати. Они изматывали её. Казалось, вот-вот она упадёт.

Но тут земля дрогнула. Раздался ещё один львиный рык — тяжёлый и грозный. Даже у меня, смирившегося со смертью, похолодело внутри. Уршу пришёл на помощь своей львице.

Гирхаш испуганно присел и прижал уши. Он понял: сейчас речь пойдёт не о добыче и даже не о нарушении границ. Уршу просто размажет его по засохшей земле, а стая пойдёт на корм птицам. Гиены рванули с места с такой скоростью, что им позавидовали бы самые быстрые газели. Не прошло и минуты, как у повозки остались только трупы моих родителей, мёртвый осёл и израненная Ниншу. Уршу подошёл и стал зализывать ей раны.

— Я вылез из-под повозки и подбежал к матери. Она не дышала. Горло разорвано, грудь окровавлена. Я тряс её за рукав: «Мама, мама, вставай». Она не шевелилась. Я попытался растормошить отца — тот лежал как камень. Снова к матери... Силы ушли. Из глаз хлынули слёзы. Уж лучше бы меня разорвали гиены, чем сидеть одному и не знать, что делать и куда идти.

Ниншу заметила меня. Поднялась и, припадая на раненую лапу, подошла ближе. Я не отшатнулся — мне было уже всё равно. Она коснулась носом моего лба, лизнула шершавым языком. Я оттолкнул её морду.

«Мур-р-р... мур-р-р...» — произнесла она.

Подошёл Уршу. Они о чём-то поурчали между собой, потом порычали друг на друга. Затем львица осторожно взяла меня зубами за загривок и понесла в сторону реки. Лев постоял и последовал за ней.

Ниншу принесла меня в прайд. Там было много львиц и маленьких львят. Кто-то разглядывал меня с любопытством, кто-то наблюдал издалека. Были и такие, что начали скалиться и шипеть. Они пытались меня испугать и прогнать. Но я уже столько страха натерпелся сегодня, что не обращал внимания. Ниншу была крупной львицей, поэтому дотронуться до меня никто не решился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.